

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЛЮБОВЬ ОКРЫЛЯЕТ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Любовь окрыляет

«ЭКСМО»

2010

Романова Г. В.

Любовь окрыляет / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2010 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-40823-8

Следователь Глеб Карпов, находясь в гостях у ненавистой тещи, случайно узнает о том, что старуха потворствует встречам его жены Светланы с неким Жоржем. Прямо на своей территории. Карпов в ярости! Подлая сводня еще и подливает масла в огонь. Мол, над нею живет молодая соседка, и очень уж она и зятек подходят по характеру. Встреча с Кристиной производит неизгладимое впечатление на Глеба. Весь следующий день он бесцельно кружит по городу и в конце концов оказывается у знакомого подъезда. А в понедельник Светлана, ругаясь и рыдая, сообщает об убийстве матери. Ну и ну! Глебу теперь бы радоваться потихоньку. Но не тут-то было: жена обвиняет в преступлении его!!! Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-40823-8

© Романова Г. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Любовь окрыляет

Глава 1

– Тиночка, деточка, ради бога, будь аккуратнее! – просила мать совершенно серьезным, необычайно встревоженным голосом ранним утром в субботу. – Ты видишь, что творится вокруг!!!

Кристина, которую полным именем никто почти не называл, ворочая его на все лады, как кому вздумается, широко зевнула. Еще раз с тоской глянула на часы, обнаружила, что она – нет, не ошиблась, в самом деле всего лишь десять минут девятого, а ведь сегодня суббота. Закатила глаза и пробормотала сонно в телефонную трубку:

– Да, мамуль, я вижу, что творится вокруг. Не беспокойся, я буду осторожна.

– Как не беспокоиться, как не беспокоиться! – тут же переполошилась мать из-за ее беспечности. – Белым днем убивают людей на глазах честного народа! И где?!

– Где? – послушно спросила Кристина, потому что знала, мать не отстанет и сейчас ждет от нее именно этого вопроса.

– У тебя практически под носом! – со зловещим подсвистом выдала родительница. – Это же надо, а?!

– Да уж... – философски изрекла Кристина, начав вспоминать, что же такого случилось у нее под носом.

Если честно, то первую самую страшную часть повествования матери она пропустила мимо ушей. Потому что, во-первых, еще не проснулась толком. Во-вторых, привыкла выключать внимание, когда мама принималась ужасаться теперешней действительности. И в-третьих, давно уже привыкла к ее паникерству.

– Как представляю, что ты там совершенно одна! – всхлипнула мать совершенно неподдельно. – Совсем одна!

– Мама, – терпеливо начала Кристина, стряхнув с себя остатки сладкого субботнего сна. – Почему я одна? Что ты такое говоришь? Я же не на улице живу, а в квартире.

– Одна! – напомнила мать уже более твердым голосом.

– И что? Одна! И меня это устраивает. Квартира хорошая, дверь крепкая, запоры очень надежные и сложные. Балкон и окна выходят на многолюдный проспект, этаж третий. На подъезде кодовый замок, посторонние не зайдут. Я со всех сторон защищена, мама.

– Квартира у нее хорошая... – ворчливо откликнулась мать и вздохнула тяжело, значит, сейчас начнется. – Иногда я очень жалею, что мы с отцом облагодетельствовали тебя таким царским подарком. Жила бы с нами...

– И что тогда?

Кристина тревожно заворочалась под легким бамбуковым одеялом, которое купила совсем недавно и никак не могла привыкнуть к его неосязаемости.

– Жила бы с нами, – снова повторила мать. – Глядишь, надоело бы тебе, и поспешила бы поскорее от нас удрать, пригреввши свою непутевую головку на чьем-нибудь широком надежном плече.

– Мамуля, не начинай! – Кристина вымученно улыбнулась, свешивая ноги с широкой кровати. – Головка у меня очень даже путевая, и ты об этом знаешь лучше всех.

– Да уж знаю, – снова вздохнула мать. – Путевая.

– Вот... Широкие плечи, может, и есть, и даже очень много их в природе существует, только вот надежных... раз-два, и обчелся. И об этом ты тоже знаешь.

Мать благоразумно промолчала.

– Вот. Вероятность того, что из самых надежных претендентов мне удастся урвать хотя бы одного, слишком мала, слишком, чтобы я решилась так рисковать.

– Господи! Тиночка! Что ты говоришь?! – ахнула мать в притворном ужасе. – Урвать!.. Рисковать! Мы же говорим о браке! О союзе двух людей: мужчины и женщины!

– Вот именно, мама!

Кристина сползла с кровати и протопала до зеркала. Оглядела вспухшие веки и поморщилась. Никуда не годился тот крем, который ей всучила на прошлой неделе Симка. Денег это чудо стоило немалых, а вот эффекта никакого. Синева под глазами не проходила к утру, как было обещано в аннотации. Припухлость век, должная исчезнуть, становилась еще заметнее и рассасывалась часа через полтора после пробуждения. Нет, дрянной крем, никуда не годится. Или причина в другом?

– Что вот именно, что вот именно, Тиночка?! – запричитала мать. – Тебе уже тридцать, помнишь?

– Помню, – со вздохом ответила Кристина, пощипав себя за щеки, может, причина ее нездорового цвета лица в плохом кровообращении, а не в креме.

– Еще пяток лет, и все! Ты станешь никому не нужна! Женский век недолог!

– Помнится, раньше ты мне говорила, что судьба на печке найдет, – напомнила ей язвительно Кристина, вспомнив материнские запреты относительно ее юношеского романа в одиннадцатом классе.

Ох, что тогда было! И рано еще, и претендент не тот, и учиться ей еще и учиться, и голову забивать не следует в канун выпускных и вступительных экзаменов, и так далее.

– Может, и так, – не хотела сдаваться она. – Но если ты ту печку обнесла высоким забором и обмотала колючей проволокой, разве к тебе проберешься?!

– Так никто и не спешит особо ко мне пробираться, мамуля, – рассмеялась неожиданно Кристина.

– Так если в этом проблема, то мы с папой готовы... – голос матери тут же сделался ласково-вкрадчивым.

– Мама!!! – пришлось повысить голос, иначе все будет, как всегда.

– Ладно, молчу, – сдалась мать и снова напомнила о главном: – Так будь осторожна, милая. Мы с папой очень переживаем за тебя... Надо же, прямо в твоём районе! Буквально под твоими окнами! Совсем ничего не боятся, бандиты! Прямо как в девяностых! Будь осторожна, Тиночка, я тебя умоляю!

– Буду, – отозвалась Кристина и, пообещав явиться завтра к обеду, положила трубку.

Беда с этими родителями! Сколько же еще они будут ее опекать, интересно?! Папа однажды, услышав от нее этот вопрос, затребовал внука. Сказал, что как только у них появится внук или внучка – не принципиально, – то они сразу от нее отстанут. Готовы даже на байстрюка. Но Кристина рожать без мужа категорически отказалась.

– У меня папа был, – заявила она капризно, прижимаясь к отцовскому плечу. – И у моего ребенка, если он когда-то случится, тоже должен быть. Это ведь так славно, когда есть папа!..

Пока не случилось ни претендента на папу, ни ребенка. Кристина снова осторожно потрогала кончиками пальцев синеву под глазами. Эх, как Симка ее надула!..

А что касается этого самого папы ее будущего ребенка, то она совершенно не знала, что тут можно предпринять. Романы в ее жизни случались, не без этого. И бурные, и вялотекущие, по-разному выходило. Но вот чтобы кто-то из тех мужчин мог довести ее до алтаря и в последующем нянчить их общего ребенка...

Нет, такого пока не было.

– Хватит копать. Тинка! – увещевала ее Сима, тараща глаза вслед какой-нибудь широкой спине, кажущейся на первый взгляд надежной. – Смотри, останешься одна!

Вот этого-то как раз Кристина и не боялась. Ее не страшило одиночество, она им зачастую наслаждалась. И справедливо полагала, что человек может быть очень одиноким и в семье, и примеров тому имелось множество. А вот Симка...

Ее подруга очень-очень хотела замуж и была при этом на удивление влюбчивой. Каждый очередной роман у нее получался непередаваемо прекрасным, каждая новая влюбленность непременно до гроба, а грядущее за тем расставание заканчивалось депрессией, слезами и намерениями уйти в монастырь. Месяца два-три Симка зализывала душевные раны, а потом снова пребывала в поиске. Носилась по ресторанам, выставкам, тусовкам, ездила на курорты и все искала и искала того единственного и неповторимого.

– А почему ты его непременно должна там найти? – спросила ее как-то Кристина, укладывая купальники подруги в чемодан.

– А где же?! – изумленно заморгала Сима и покрутила пальчиком у виска. – На работе, что ли?

– Почему нет? Там у тебя полно холостых мужиков, есть даже очень симпатичные.

– С ума сошла, да? Я же все про них буквально знаю! Какие они ленивые, нерадивые, циничные и как женщин обсуждают, знаю тоже. Знаю, кто стряхивает пепел себе на ботинки, а кто на чайное блюдце. И кто мумифицирует чайные пакетики в чашках и льет потом кипяток туда, едва успев выудить предыдущую мумию. Знаю, кто не любит бриться, но зато чистит ботинки по три раза на дню. Кто не умеет завязывать галстук и просит об этом ежедневно маму! И кто рыбок аквариумных любит, знаю тоже!

– Беда с тобой, Симка, – вздохнула тогда Кристина, захлопывая утрамбованный шмотками чемодан подруги. – Думаешь, те – другие и этого не делают?

– Какие те другие? – не сразу поняла она, листая записную книжку.

– Те, которых ты охмуряешь на курортах, выставках, тусовках и в ресторанах?

– Я никого не охмуряю, – обиделась Сима. – Они сами... И вообще, что ты ко мне пристала-то? Свою жизнь лучше устраивай!..

По Кристине, так ее жизнь давно устроилась, чем она была счастлива и бога за что не раз благодарила.

Ей удалось найти себе не только высокооплачиваемую, но и ставшую любимой работу. Ее любят коллеги. Уважает и считается начальство. У нее есть мама и папа, есть Симка, еще имеется куча двоюродных сестер и братьев, с которыми она дружна. Есть своя собственная квартира, которую Кристина холила и лелеяла, не позволяя попасть туда ни одной лишней вещи, способной нарушить гармонию. Ей очень повезло с соседями. Особенно с Натальей Ивановной, жившей этажом ниже в двухкомнатной квартире. Очень милая и рассудительная была старушка.

Что еще?

Да, пожалуй, этого достаточно для того, чтобы ощущать себя счастливой и свободной. И ведь ничего пока менять не хотелось, даже не думалось об этом, пока мама с папой да Симка не напоминали, что пора.

Кристина снова потянулась к телефонной трубке.

Симка, наверное, обыкалась с утра. Она ее раза четыре уже вспомнила. Надо позвонить и спросить, что там вчера стряслось под окнами у Кристины, о чем с такой тревогой рассказывала ей мама.

Почему решила, что вчера? Так сейчас еще и девяти нет, а мама сказала, что белым днем на глазах сотни людей убивать стали. Значит, все случилось вчера. Говорила или нет она про сотню или Кристина сама это выдумала? Да неважно. Сейчас Симка ей все расскажет, та всегда была в курсе всех новостей, и политических, и светских, и криминальных.

– Тинка, ты себе не представляешь, какие у него скулы!!! – не дав вымолвить Кристине ни слова, зашла с щенячьим восторгом ее подруга, стоило ей снять телефонную трубку. – Ты

представляешь, я бегу, такая вся элегантная в новом костюме спортивном... Я тебе говорила, что я его позавчера купила?

– Кажется, говорила.

Кристина, убей, не помнила, говорила об этом ей Симка или нет. Она постоянно о чем-то говорила, о тряпках в том числе. Разве все упомнишь! Сейчас вот с пробежки утренней вернулась, куда шастает каждое утро не здоровья ради, а ради поиска достойного претендента с хорошим здоровьем, с которым, возможно, столкнется на беговой дорожке. И отчет о каждой утренней пробежке Кристина тоже ежедневно выслушивала. Разве все упомнишь!

– Так вот, я бегу вся такая, а он вдруг сзади настигает меня, настигает и говорит... – захлебывалась от восторга Сима. – Девушка, а не боитесь в такую рань по таким заповедным местам бегать? А я ему...

– Так! погоди, Сима! – строго оборвала ее Кристина. – Это каким таким заповедным местам ты сегодня предпочла стадион? Отвечать немедленно!

– Ну... – смутилась Сима. – Я сегодня решила пробежаться сквером, свернула к летнему театру...

– С ума сошла!!! – ахнула Кристина. – Там же заросли сплошные! Туда ни один здраво-мыслящий человек белым днем не пойдет, а ты ранним утром туда побежала! Приключений жаждешь на одно место, да?!

– погоди, погоди, не кипятись, – заурчала котенком Симка. – Все не так страшно, как тебе видится, Тиночка. Побежала я туда не просто так, а по наводке.

– Чьей наводке?

– Костик, ну этот, вечно с развязанными шнурками, со мной работает, он там каждое утро тусуется. И он мне проболтался на днях, что этим же маршрутом скачет команда легкоатлетов. Начали тренироваться, мол, не так давно, но место облюбовали прочно. Вот я и...

Вот она и помчалась искать себе новый спортивный костюм, хотя предыдущий был куплен всего полгода назад. Два дня назад сделала вертикальную химию по той же причине, еще болтала что-то о перманентном макияже и о пластике носа. Кристине пока удалось ее отговорить, но кто знает, как надолго.

Ох, Симка, Симка, беда с ней да и только!

– Ладно, если ты там не одна, то еще ничего. Так что там случилось-то? Бежишь ты вся такая, а он выпрыгивает из кустов, потом настигает тебя сзади и?

– Во-первых не из кустов, а просто появился как-то неожиданно, ну и не настигает, скорее, а догоняет. А во-вторых, Тиночка, видела бы ты его скулы!!! Это бог, а не мужчина! У него такой торс! Руки!!! Тиночка, видела бы ты его руки!!! Весь такой загорелый и...

– И непременно сильный и благородный, – перебила Кристина с издевкой. – И он-то уж точно не стряхивает пепел на чайное блюдце, потому что не курит.

– Да, да!!! – подхватила Сима радостно, не уловив иронии.

– И чайные пакетики по чашкам не засушивает, потому что пьет исключительно кефир.

– Конечно!!! – захлебывалась подруга от восторга.

– И идиоток вроде тебя, бегающих трусцой в семь утра по свалкам, не обсуждает с друзьями, – повысила голос Кристина, пытаясь обратить на себя внимание.

– Ты чего, Тиночка, сердисься, да? – запнулся восторг подруги. – Чё такого-то? И совсем там не свалка. Там расчистили давно. И дорожка гравийная имеется. Думаешь, легкоатлеты стали бы там бегать, если бы то место не благоустроили?

– Ох, Сима! – тяжело вздохнула Кристина, снова подбираясь к зеркалу, ну очень ее тревожили синяки под глазами. – И когда тебя только жизнь выучит! Тут белым днем на центральной площади города людей стреляют, не боятся, а ты по трусцобам шастаешь.

– А-аа, вон ты чего озаботилась, – с облегчением выдохнула подруга. – Одно не мешай с другим. Там вон что случилось! А тут я всего лишь бегу.

– А что случилось-то?

– Так ты не знаешь?

Кристина просто увидела, хотя и не могла этого видеть сейчас, как округлились Симкины глаза. Удивительной, небесной голубизны глаза со странным восточным разрезом. Они были необыкновенно красивы и постоянно сбивали с толку наивностью и простотой. На самом-то деле Сима не простушка, хотя и могла иногда прикинуться.

– Не знаю. Мама разбудила в восемь часов утра и давай охать. Нет, она начала именно с повествования странных событий, но я прослушала, – призналась подруге Кристина.

– Понятно. – Сима вздохнула. – Инкассаторов вчера постреляли в том банке, что почти под твоими окнами. Денег много украли.

– Да ты что?!

– Вот тебе и что! И права твоя мама, говоря о том, что среди бела дня нападают на людей с оружием, грабят и ничего не боятся. Очень дерзкое и страшное ограбление. Погиб один инкассатор, второй ранен и лежит в больнице.

Сима вздохнула, раздосадованная тем, что Кристина не стала слушать про мужчину с невероятно красивыми торсом, руками и скулами. Но это ведь так на нее похоже, на подругу ее любимую. И вместо того, чтобы вежливо поинтересоваться, чем же закончилось Симино утреннее знакомство, она вдруг пристала к ней с этим ограблением.

– Слушай, а ведь это уже, кажется, не первое ограбление инкассаторов в городе, так? – прицепилась репьем Кристина.

– Ну не первое, что с того-то?

– И даже не второе?

– Не помню я, Тина! – Сима, кажется, принялась дергать ножками. – Что-то мелькало в прессе пару месяцев назад и еще перед Новым годом, кажется.

– И там были трупы?

– О господи!!! – выдохнула через нос глухим «г» подруга Сима. – Чего с того-то?!

– Это ведь уже серия, Сима. Мама права, в городе орудует банда, – произнесла задумчиво Кристина.

– И что?

Симе уже не терпелось поскорее в душ, потом к зеркалу, а потом к телефону, они же обменялись телефонами с легкоатлетом. Какое ей дело до банды, грабящей инкассаторов.

– А то! – прикрикнула на нее Кристина, они хоть и были ровесницами, но Симка ей всегда казалась юным несмышленишкой. – Что в городе орудует банда, а некоторые легкомысленные дамочки ранним утром шастают по кустам с незнакомцами.

– Он легкоатлет, – обиделась за парня Сима.

– Это на нем крупными буквами было написано?

– А обязательно?

– Нет, не обязательно, но подумай сама, милочка. – Она снова взяла тон взрослой дамочки. – Если там тренируется целая группа легкоатлетов, как уверял тебя твой Костик, то почему этот, со скулами, был один?

– Он еще и с руками, и с какими, Тина! – с подвыванием подхватила Симка и заржала в полный голос. – Он, может, от них отбил.

– Ага, как Серая Шейка!

– Может, он меня заметил позавчера, когда я возвращалась с пробежки, а они только приступали всей гурьбой? Что скажешь?

– Может, так, а может, и эдак, – чуть мягче проворчала Кристина. – Но прошу тебя, пожалуйста, пока этих бандитов не переловили, не тусуйся ты там, а! Обещаешь?

Сима быстренько соображала.

Если она сейчас откажет Кристине в ее просьбе, та надуется. И надуется надолго. Они однажды целых три недели не разговаривали. Сима извелась тогда вся. Соврать она ей не может, они друг другу не врали никогда, успев договориться об этом в раннем детстве. Что было делать? Отказывать себе в удовольствии видеть каждое утро красивые загорелые тела с сильными загорелыми руками или обидеть подругу отказом?

А, и ладно. Она, главное, телефон одного красавца уже заполучила. Остальные-то ей зачем? Сейчас вымоется, приведет себя в порядок и позвонит. Раньше никак нельзя было. Вдруг он моментально созреет для встречи, а она начнет мямлить, что ей нужно время, что она еще не готова. Он ведь запросто передумает! Мало разве желающих на такую-то красоту?! У них, у легкоатлетов этих, все ведь быстро: подъем, потом переворот, потом еще что-то, а потом соскок.

Соскочит – и поминай, как звали! Нет, она будет во всеоружии, она этого с невероятно вылепленными скулами не упустит ни за что. Она просто каждым нервом чувствует: это он!

– Обещаю, – с легким сердцем вымолвила Сима.

– Умница, – на сердце Кристины потеплело. – Может, пообедаем сегодня? Поболтали бы. Мне тебе нужно что-то рассказать. Тут Наталья Ивановна на днях такое отмочила! А потом...

– Миленькая, ну никак не могу, – взмолилась Сима, твердо уверенная в том, что сегодня к вечеру она уже может грезить о помолвке с загорелым спортсменом. – Давай в воскресенье, а?

– В воскресенье я у родителей. – Кристина догадливо ухмыльнулась. – А тебе желаю удачи, милочка.

– В чем? – прикинулась непонимающей подруга.

– В личных делах. Только не смей отрицать, что на сегодня ты наметила охмурить твоего со скулами! – шуточно возмутилась Кристина.

– Он еще и с руками! – снова рассмеялась Сима. – Да еще с какими!..

Вот дуреха, а! Кристина улыбнулась, пристраивая телефонную трубку на аппарат. Снова порхает, снова глазки загорелись, сердечко екает в предвкушении. А что потом? А потом станет рыдать на ее плече, проклинать всех Сережей, Тимуров, Стасов и так далее, зарекаться и грозить всему миру своим монашеским постригом.

– Ох, и дуреха, – улыбнулась своему отражению в зеркале Кристина и снова нахмурилась: – А вот крем ты мне продала совершенно никуда не годный, милочка...

Она обошла по привычке квартиру, выбралась на балкон, потрогала глянцевые листья громадного фикуса. Пообещала ему, что на этой неделе непременно перенесет его в гостиную, на его любимое место в углу возле дивана. Вот как только выкроит время и желание для прихода Сережи Шипова, так он – фикус то есть – моментально вернется домой. А пока пусть немного поежится на балконе. Не так уж тут и холодно, между прочим. Застекление почти герметичное с тройным стеклопакетом. Вчера вечером, когда она выходила сюда с чашкой ромашкового чая перед сном, немного даже душновато было.

– Потерпи, – шепнула ему ласково Кристина и попятилась с балкона.

Ей вдруг почудилось, что фикус печально вздохнул, едва заметно шевельнув широкими пятнистыми листьями, и она улыбнулась.

Она все любила в своей квартире. Цветы, столы, стулья, диваны, кресла, полки и посуду. Все выбиралось тщательно, гармонировало друг с другом, Кристина не любила конфликтов нигде и ни в чем, в стиле и цветовой гамме в том числе.

Правда, в последнее время ее стало немного огорчать зеркало. Все не то отражение дает, которое она привыкла видеть многие годы. Неужели мама права и Кристина стареет? Но ей еще и тридцати нет! Пусть, ладно, тридцать, но через неделю же! Разве это возраст для женщины?

– Нет, это крем Симкин виноват! – сделала она вывод через полчаса, избавившись от нездоровой синевы под глазами с помощью розовой воды, приготовленной мамой по старинному рецепту ее бабушки. – Вот наподдам я ей, только она мне попадись!..

Сегодня Симка попадаться ей на глаза категорически отказалась. Причина была в легкоатлете, и карты не раскладывай. Подруга никогда не могла выдержать паузу и бросалась с головой в очередной любовный омут. Сегодняшний случай не исключение.

А и ладно. Она сейчас делает себе завтрак. Потом водные процедуры. И все неспешно, тщательно, без ежедневной будничной суеты, а по- субботному, с наслаждением. Потом пройдет немного по проспекту, заглянет в магазины, хотя и нужды особой нет. Просто по давнишней привычке. А к вечеру засядет за компьютер.

Надо все же узнать, что творится в родном городе, буквально под ее окнами. Кто набрался такой дерзкой кровожадной наглости грабить и убивать инкассаторов на глазах сотен свидетелей.

Это снова она придумала или Симка тоже что-то говорила насчет количества очевидцев?..

Глава 2

Он закрылся от них газетой, чтобы сыну не было видно, насколько взбешен, а теще – насколько ее ненавидит. Контролировать эмоции он еще хоть как-то ухитрился, не орал, не матерился, а хотелось жуть, но вот мимика не поддавалась. С мимикой этой просто беда. Аж щека задергалась, честное слово!

За что же ему такое наказание-то по субботам, скажите на милость?! У нормальных мужиков либо баня, либо рыбалка, на худой конец непредвиденные работы в гараже. У него же по субботам обеды у тещи, будь они неладны! Главное – обвинить в этом некого. Сам когда-то давно, лет восемь назад, согласился ввести семейную традицию – обедать у тещи в этот день.

Светка тогда, помнится, жутко гневалась на него за какую-то глупость. Да наверняка глупость, если он теперь о ней даже не помнит. Так вот Светка гневалась, грозилась уйти, за чемоданы хваталась и все упрекала его и упрекала, тоже не помнит уже в чем. Зато помнит, как перепугался, когда понял, что она не шутит и уйдет от него навсегда. А у них ребенок должен был вот-вот родиться. И они на радостях скупали всякие детские премудрости. И ползунки, и пеленки, и горшки, и бутылочки, и соски.

Он уже успел собрать купленную кроватку, Светка застелила его красивым пушистым одеяльцем голубого цвета. Им уже сказали, что будет мальчик. Пристроила в изголовье кружевную подушечку. Он развесил над кроваткой яркие погремушки с мелодичным треньканьем и...

И вдруг она собралась уйти от него.

Да! Да, он встал тогда перед ней на колени. И умолял, и просил, и руки ее ловил, которые вырывались и вспархивали, как крылья, а он все равно ловил их и целовал, целовал без конца.

– Я умру без тебя, Светка!!! Точно умру!!! – стонал он и ползал вокруг нее на коленях, загораживая проход.

– Никто не умер, – резонно замечала она и силилась протиснуть огромный живот между его лицом и дверным косяком.

Он тогда и живот ее целовал, где спало и ни о чем таком страшном не догадывалось их крохотное созданище, готовое вот-вот появиться на свет. И снова умолял, и просил прощения, и обещал, обещал все, что мог.

Светка сдалась, когда он разрыдался. Ей ведь удалось все же протиснуться к выходу, оттолкнув его небрежно ногой. Он упал нарочно. Она не обратила внимания и ухватилась за дверной замок.

Тогда он понял – все! И зарыдал. Глухо, страшно, с жутким подвыванием.

И она не ушла, но весь вечер потом напоминала ему о его обещаниях. Он снова целовал ее руки и кивал, соглашаясь на все, и счастливо улыбался оттого, что она вот так близко и он может обнять ее.

Потом родился Ванечка. Они с головой окунулись в родительскую суету. Растили его, кормили, пеленали, бегали за лекарствами, когда он болел, не спали ночами, радовались первому зубу, как дети малые. В общем все было, как у всех нормальных людей.

О том дне, когда он разрыдался, они больше никогда не вспоминали, вычеркнули из памяти. Будто и не было того мерзкого дня, когда он корчился перед ней на коленях и умолял остаться. Все забыли, но вот о его обещаниях Светка ему позабыть не позволила. И, зная его обязательность, периодически оживляла в памяти, чтобы он не расслаблялся.

Он обещал Светке не бросать ее выходными. Он и не бросал. Он обещал ей не посещать всякие мужские посиделки с распитием спиртных напитков и всем отсюда вытекающим. Он и не посещал, и не пил. Никаких рыбалок, охот, бань и бассейнов без нее. Обещал помогать по хозяйству – помогал. И в магазин бегал, и сына в детский садик возил, хотя на работу ему

было в другую сторону, и, возвращаясь, потом подолгу стоял в пробках, опаздывал, и врал начальству без конца. И белье на балконе развешивал, и готовил что-то нехитрое тоже. И даже пылесосил иногда.

Много чего в страшной горячке наобещал своей жене Глеб Карпов, чтобы остаться с ней навсегда, и все выполнял теперь. И странное дело – ему это было не в тягость. Все ведь делалось для семьи: для него, для жены и для их любимого славного сыночка. Все было для них, ради них и во имя них. Разве можно этим тяготиться? Мир в семье дорогого стоил! А у них был мир и счастье. Милое, бесхитрое, простое семейное счастье.

И все всех устраивало, кроме одного.

В тот жуткий день Глеб, когда разговор зашел о выходных, по неосторожности или из любви великой пообещал Светлане каждую субботу проводить в гостях у ее мамы – у Петровниной Натальи Ивановны. Светлана просила, он согласился. Она еще требовала, пользуясь случаем, съехаться впоследствии с мамой. Но вот тут Глеб устоял. Ответил категорически – нет.

– Миленькая, думаю, обедов по субботам будет вполне достаточно, – шептал он на ухо своей жене, укладываясь на ночь спать.

А про себя додумал тут же, что ничего страшного в тех обедах не будет. Подумаешь, пару часов потерпеть въедливую женщину. Главное, что она у них не поселится. А пару часов один раз в неделю он как-нибудь переживет.

Бедный Глеб даже не предполагал тогда, чем это для него обернется. Не мог себе даже представить, что, обещая своей Светлане безобидных пару часов раз в неделю, он продает душу дьяволу на всю оставшуюся жизнь.

Почему так?

Да потому что его теща – Петровнина Наталья Ивановна – была исчадием ада. Она могла не то что за два часа, а за десять минут вынуть душу, прополоскать мозги, выесть печень, выгрызть сердце и исколоть глаза своим мерзким прищуренным взглядом.

И это ведь не раз в год или месяц, это повторялось из недели в неделю и сделалось просто невыносимым.

Начиналось все обычно с того, что Светка, расцеловавшись с мамулей, так она ее именвала, начинала рассказывать все, что произошло в их семье за неделю.

Отчитывалась его жена по полной программе!

Какие блюда готовились, какие салфетки стелились на стол, что покупалось, в каких магазинах, по каким ценам. Как проводился досуг и как прошло их предыдущее воскресенье. Что кушал и чем какал Ванечка. Какие рубашечки надевал в садик. А не запаздывал ли с работы Глебушко. Эта старая сука именно так его называла – Глебушко, от чего его мутило всякий раз и хотелось орать в полное горло. Так мерзко, как она, называть его не мог никто, даже враги, а они у него имелись. Потом что еще? А! Какие передачи по телевидению смотрели. Начиналось обсуждение этих передач или сериалов. Отношения с соседями, подругами и друзьями, начальством и подчиненными, подробно и детально обсуждались.

Глеб подозревал, что и их постельная жизнь подвергалась обсуждению мамы и дочки за закрытыми дверями кухни. Они иногда закрывались, и Светка потом оттуда выходила с пунцовым лицом. Он пытался подслушать пару недель назад. И странное дело, не услышал своего имени ни разу. А вот имя какого-то Жоржа сильно резало слух, хотя и произносилось тещей свистящим шепотом.

Глеб долго потом ломал голову, вспоминая, есть ли среди многочисленной Светкиной родни мужчина с таким именем. Так и не справился, сдался, затаился. Не спрашивать же саму Светку! Сразу всплывет факт его подслушивания. А в этом быть уличенным Глебу было невыносимо стыдно. Опять же теща об этом могла узнать из еженедельных Светкиных отчетов и тогда бы его и вовсе со свету сжила. И так не упускала случая опустить ниже плинтуса в присутствии жены и сына.

То некрасивый он, то неуклюжий, то работа у него совсем не престижная, то он за столько-то лет так и не научился галстуки завязывать. Что это за узел? Разве же это узел?! Сдавать Светку с ее нежеланием вязать галстучные узлы Глеб не хотел, потому молчал.

А эта тварь что удумала сегодня! Как только они вошли, едва успели раздеться, переобуться в домашние тапки, которые она для них специально держала, и едва Глеб успел повернуться к ней неумелым галстучным узлом, как она...

– Глебушко! Опять!!! – всплеснула сухонькими ручонками мерзкая старуха и подлетела к нему. – А ну-ка пригнись, детка.

В детке было метр восемьдесят девять, в теще полтора метра. И потому детке пришлось прилично согнуться, чтобы она могла дотянуться до его шеи. Так и стоял, с откляченным задом, как дурак последний, перед старухой и дышал смрадом ее старческого рта, пока она перевязывала ему галстук.

– Вот! Вот каким должен быть узел на твоей шее! – заключила она, подводя его к зеркалу.

Узел был шикарным, конечно, воздушным, чуть асимметричным, но это сейчас модно. И в другое время непременно понравился бы Глебу, не повязывай ему галстук Наталья Ивановна.

– Да, спасибо, хорошо, – пробормотал он невнятно.

Ушел в комнату, сел в кресло, которое самолично выбирал теще к юбилею, и закрылся от всего мира газетой. Накал его негодования был настолько силен, что жена рассмотрела его даже через газету.

– Не злись, милый.

Светлана, улучив момент, когда мама отползет в туалет, присела к нему на подлокотник кресла и запустила нежные пальцы в его шевелюру, чуть взъерошила.

– Я люблю тебя, Глеб, – шепнула она тихо, чтобы Ванька, играющий в просторном холле в солдатиков, не слышал. – Очень люблю! И за это тоже...

– За что за это? – отозвался он нехотя, а газета в его руках предательски задрожала.

– За терпение. Тебе очень сложно бывать здесь, в последнее время особенно, а ты ради меня, ради Ванечки делаешь это каждую субботу и...

– Светуся-аа! – туалетная дверь с грохотом отлетела в сторону, теща выскочила на порог. – Идем, идем в кухню, пирог поспекает, поможешь переложить мне его на блюдо.

– Потом, потом, дорогой, – увильнула от его рук и губ Светлана, вскочила с подлокотника, как нашкодившая девочка семи лет, и помчалась на мамин зов.

Что же делается-то, а?! Что же она с ними со всеми делает, эта старая мерзкая жаба?! Что преступного в том, что он поцелует свою жену?! Почему Светка ее так боится? Почему позволяет так поступать с собой, с ним, с ними со всеми?!

Вот! Опять закрылись! Сейчас старая сука наверняка станет выведывать у его жены подробности их интимной жизни. А какая жизнь, какая жизнь, если он после суббот этих поганных лишь к пятнице и отходит?! Он даже с женой стал менее разговорчивым из-за этих субботних визитов. И почти ничего ей не рассказывал и совета не просил. А однажды...

Глебу снова стало неуютно, стоило вспомнить о той крамоле, которую он допустил по отношению к Светке и Ванечке. И хотя крамола та носила лишь мысленный, мечтательный характер, лучше ему от этого не становилось. Стоит ведь подумать один раз, а потом так и пойдет, не так ли?

А что случилось...

Он ведь после того, как услышал подслушанное из уст тещи незнакомое мужское имя Жорж, распахивался сильно. Даже начальству надерзил и едва на выговор не нарвался. А в один из вечеров, сидя у телевизора и рассеянно слушая Светкину трепотню по телефону опять же с мамой, неожиданно подумал, а что было бы с ним, уйди жена в тот вечер от него? Что случилось бы?

А ничего такого гадкого и не случилось бы, решил он вдруг спустя минут десять, в течение которых размышлял, а жена все так же говорила с мамой по телефону.

Квартира его, он бы здесь так жить и остался. Стало быть, не бомжевал бы. Работа у него приличная, хотя теще и не нравилась. Выезжал бы с руководством на рыбалку и охоту, глядишь, давно бы уже на повышение пошел. Мог бы еще и частным сыском подрабатывать, как многие знакомые опера делают. Времени-то у него было бы вагон, куда его девать-то? Сейчас он начальник отдела, сверхурочных у которого практически не бывает, потому он и дома вовремя. Но башка у него варит, и к нему часто за советом идут. Был бы свободен, советы те давались бы уже другим людям и за деньги. Так что...

К тому моменту, как Глеб Карпов домечтался до нового романтического знакомства с молодой, не скованной принципами красоткой, Светка закончила говорить с мамой. Подошла к нему, привычно прижала его голову к своей груди, чмокнула в макушку и зашептала, зашептала что-то милое и трогательное. Ванечка тут же подбежал с другого боку с солдатиком, которому оторвал автомат. Глянул виновато, попросил подклеить и тоже прижался щечкой к его колючей щеке.

Хоть снова плачь! Как же он мог-то, а?! Как он мог только подумать, что в его жизни не будет вот их – родных и единственных?! Ладно, женщину можно поменять одну на другую. Сына-то поменять нельзя. Ванька, он Ванькой и останется. Хоть он еще человек десять нарождает с кем-нибудь, Ванька-то от этого его сыном не перестанет быть.

Мудак он! Заключил тогда Глеб Карпов, поглаживая жену по попке. Мудак, раз мысли такие позволил себе допустить. Теща что? Сегодня есть, завтра нет, не вечная же она. А жена и сын, это на всю жизнь.

И думать себе так Карпов запретил раз и навсегда. Запретил так думать, но не запрещал себе подслушивать. И поэтому, стоило кухонной двери закрыться за мамой и дочкой, как он тут же метнулся в холл к сыну, быстро наговорил ему новый сценарий игры, сгреб себе половину его солдатиков. Распластался на полу головой к кухонной двери, подполз поближе. Так, чтобы макушка касалась белоснежного пластика, склонился пониже и начал строить оборонительные укрепления. Это он так сыну сказал, сам-то принялся подслушивать, благо, из-под двери, где оставалась щель сантиметров в пять, слышно было, как теща дышит, не то что шепчет.

– Милая, тебе надо решиться! – настаивала на чем-то Наталья Ивановна.

– Мама, я не могу, – заартачилась всегда покорная дочь.

– Как не могу?! Как не могу?! Я обещала!!! – вспыхнула старая гадина и громынула чем-то, видимо, своим сухоньким кулачком по столу.

– А какое ты имела право обещать от моего лица? – возмутилась Света, но как-то наигранно.

– А разве мы с тобой в прошлый раз обо всем не договорились? – чуть мягче, чем прежде, спросила теща.

– Нет, – неуверенно произнесла жена Глеба.

Жена, которая, оказывается, имела от него какие-то секреты, а не должна бы. А он-то думал, что она все та же милая, скромная, неуверенная в себе девушка, доставшаяся ему в жены в свои неполные восемнадцать. Доставшаяся девицей, что само по себе сейчас редкость. Выкладывающая ему все, что скапливалось в ее невинной незапятнанной душе за день: что думала, говорила, делала и кому улыбалась. А он слушал, и ценил ее откровения, и полагал, что так будет всегда. И еще самодовольно считал – глупец, что жена его – открытая книга, которую он никогда не устанет читать.

– Как нет?! Как нет?! – зашлась свистящим шепотом теща. – Ты ничего не помнишь! Этот Глеб забил тебе всю голову своими проблемами, что ты не хочешь решать свои!

– Мама, у меня нет никаких проблем. – И снова неуверенно.

– Да? Ты так думаешь? – ехидно отозвалась Наталья Ивановна. – А я вот считаю, что проблемы у тебя серьезные, дочка, и очень. Дожить до двадцати восьми лет и не знать, что такое ор...

– Мама! – громко крикнула Света, и теща на нее тут же зашикала. – Прекрати! Я уже жалею, что рассказала тебе обо всем!

– И дура, что жалеешь. А я вот жалею тебя. Этот...

Она назвала Глеба каким-то трудно различимым плохим словом. Он не понял, каким, сын как раз отвлек, но понял, что нехорошим, потому что Светка снова возмутилась.

– Он справляет свое удовольствие в то время, как ты выполняешь обязанность, которая изнуряет тебя и ничего, кроме неприятных ощущений, не приносит! И он даже не позаботится о том, чтобы что-то сделать!

– Я так не говорила, – запротестовала Света, но очень-очень слабым голосом.

– Я и сама вижу по его самодовольной роже, что это так! А ты таешь, дитя мое. Просто на глазах таешь. И это вполне объяснимо, раз ты испытываешь такие неудобства в постели с мужем.

Светка промолчала.

– И очень хорошо, что ты решилась поговорить именно со мной, а не стала обсуждать это со своим мужем или, упаси бог, с подругами, – надрылась в хриплом шепоте старая гадина.

– Почему? – тихо отозвалась Светлана, и кто-то из них загремел духовкой. – Ладно с подругами, тут понятно. Посочувствуют, потом посплетничают, посмеются, а с мужем-то почему нельзя обсуждать такие проблемы?

– С мужем?! Ты совсем рехнулась, Светочка?! Разве можно мужу говорить об этом?! Он ведь тут же сочтет тебя фригидной и со временем станет шастать на сторону! Найдет кого погорячее, уж поверь мне!

– И вот, чтобы этого не случилось, ты предлагаешь мне найти первой кого погорячее? – с горечью выдала Светлана.

А Глеб едва не задохнулся от боли, прострелившей его всего.

Как он вытерпел, как не вышиб с одного пинка дверь и не удушил в кухне обеих, он и сам не помнит.

Может, потому сдержался, что понял: все его жертвы, все его мучения субботние оказались напрасными – гармонии с женой не случилось. И порыв пропал поэтому. Может, потому, что Ванька вдруг запрыгнул на него, стал трепать его за щеки и звучно целовать алым сочным ртом его лоб, подбородок, губы. А может, потому, что решил прямо тогда, что в этом доме он в последний раз. С сегодняшней субботы все изменится.

Одним словом, дослушивать он не стал. Не дурак, понял, что Жорж (хотя имя его сегодня и не прозвучало) – это тот самец, которого где-то отрыла теща для его Светки, чтобы он удовлетворил-таки ее наконец, раз муж неспособен.

Вот сука, а!

Это он уже про жену так подумал, вставая с пола, снова усаживаясь в кресло и снова отгораживаясь от всего мира газетой. Хоть бы раз словом или взглядом намекнула, что ей плохо.

– Света, милая, тебе понравилось? – всегда спрашивал он, целуя ее бесконечно долго и трепетно перед тем, как уснуть.

– Да, милый, очень! – И улыбалась ему навстречу.

– Если что-то не так, ты скажи. – Это он ей всегда так в первые годы супружества говорил, девчонка ведь еще совсем, юная и несмышленная.

– Что ты, Глеб, все отлично! Все просто здорово!..

И вот теперь на маминой кухне его жена, которой всегда бывало с ним хорошо и просто отлично, здорово и замечательно, жалуется матери на его несостоятельность.

Газета в его руках снова задрожала.

Значит, она умело имитировала свое удовольствие, так получается?! Стонала, всхлипывала, орала порой и просила не останавливаться. Все врала?! Они же не год прожили и не месяц. Ей восемнадцати не было, сейчас ей двадцать восемь. Все правильно, больше десяти лет вместе. И что же, получается, что все десять лет она ему врала и играла?! Зачем?! Чтобы его не обижать? Так она сейчас его не то что обидела, она убила его!!! И мама у нее в помощниках! Они совместно уничтожили его, растоптали, заживо похоронили всю их совместную жизнь! Они сделали ее никчемной и бессмысленной! Он все годы из кожи лез вон, чтобы все это сохранить, уберечь, пестовал, лелеял, холил, а они...

– А вот и пирог!!! – вползла в комнату теща, улыбнулась ему как ни в чем не бывало и бухнула блюдо с громадным пирогом в центр стола. – Все, теперь можно обедать!

Полезет у него кусок-то в горло после всего, что он узнал о себе и вообще обо всем и обо всех? Сможет он теперь проглотить хоть ложку ее борща, который ненавидел так же сильно, как и саму тещу. И съесть кусок ее пирога сможет ли? Он в лучшие-то времена им давился, а теперь...

Нет, ну просил же Светку передать маме, что не ест он пирогов с рыбой и луком. Не раз просил. Нет же! Напихает внутрь сдобного пушистого теста восемь головок лука и рыбы с костями. Хочешь не хочешь, а давься!

– Глебушко, что-то ты бледный какой-то? Не заболел? – ласково пропела теща и даже ладонь свою ему на лоб положила.

Его аж передернуло от гадливости.

– Да, заболел! Выпить нету?

Женщины переглянулись, и теща сделала знак подбородком дочке своей: мол, вот, а что я тебе говорила.

– Выпить есть, а что будешь пить?

– Водка есть?

– Есть и водка. – И еще один знак подбородком, мол, дела-то совсем никуда.

Старая гримза потрусилась к серванту, купленному, между прочим, тоже на его деньги, достала нераспечатанную бутылку водки. Поставила ее рядом с Глебом, стаканчик достала хрустальный. Подула в него, фартуком своим протерла внутри, его опять замутило, и поставила перед ним. Упивайся, мол, на здоровье.

Все расселись по своим местам. Началась обеденная церемония. И церемония эта обычно начиналась не с молитв – нет, а с вопросов типа:

– Ну, что же нового у нас с Ванечкой случилось за неделю, а?

– А что же это наш воробышек притих?

– А никакого нового стишка наш мальчик не выучил?

Ребенок только ложку с супом ко рту поднесет, как эта фря к нему с вопросами. Он через раз от бабули голодным возвращался, потому что тоже должен был отчет перед ней держать, как и дочка.

Ну, ничего! Он им теперь покажет! Хватит, натерпелся! Светку под замок, а эту суку...

По этой старой бабе давно ведь могила плачет, чего она все живет и живет? Может, в психушку ее отправить, а? Связей у него предостаточно, деньги тоже есть. Может...

– Глеб, тебе не хватит? – Света осторожно тронула его за руку, в которой он зажал пятаю по счету рюмку. – Ты опьянел!

– Хочу, дорогая, и пьянею! – отрезал он и выпил. – Машину ты водить умеешь, довезешь мужа. А Ванечка...

Тот вскинул васильковые, как у матери, глазенки на отца.

– А Ванечка сегодня останется у бабушки.

– Почему???

Обе вытянули шеи, как гусыни, уставившись на него в недоумении. И Глеб вдруг обнаружил, что Светка жутко похожа на свою мать. И ростом такая же маленькая, и глаза у них одинакового цвета, щеки, подбородок, все одинаковое. Как же он это раньше-то...

Ведь если он доживет со Светкой до старости, то она будет вылитая теща! А этого он точно не переживет. Нет, надо избавляться сразу от обеих.

– Глебушко, а я вам рассказывала о своей соседке? – вдруг совершенно не к месту ляпнула Наталья Ивановна, погладив внука по голове и разрешив ему остаться у нее на ночь. – Кристиночка Назарова, помните?

– Нет, не помню, – неучтиво отрезал он и с пьяного глаза нашел еще одно сходство своей жены с тещей – родинка над левой бровью, бр-рр. – А что с ней не так? Что-то случилось с Кристиной этой вашей Назаровой?

– Нет, нет, что вы, упаси, господи! – И она начала неистово креститься, хотя, сука, ни разу в церкви не была, креста не носила и ни одной иконы не имела в доме. – Она просто очень славная девушка, живет одна этажом выше, и у нее такой характер...

– Какой?

Ему не было никакого дела до посторонней девушки, ему бы теперь с этими двумя бабами разобраться. Но он исправно играл роль хорошего мужа на глазах у сына, потому что не мог иначе. Тот стрелял время от времени испуганными глазенками, не понимая, почему папа пьет водку, а мама при этом выглядит расстроенной.

– У нее очень славный независимый характер! – верещала теща, подкладывая ему в тарелку кусок за куском зловонного рыбьего пирога. – Он прямо... Уж прости меня, Светуля, прямо тебе подходит, Глебушко.

– Кто? – не понял он, сморщившись от неприятного запаха начинки.

– И характер ее, и Кристина сама. Она прямо создана для тебя, Глебушко!

– Мама! – взвыла Света и выскочила из-за стола.

– Создана, говоришь? – скулы у Глеба заходили ходуном. – Для меня, стало быть, создана твоя соседка?

– Да что ты? – она глупо захихикала. – Это я так, образно...

– А я нет. – Он вскочил, опрокинув стул, и тут же заметил, как испуганно вжал головушку в плечи его ни в чем не повинный сын. Но остановиться уже не мог. – В какой квартире она живет?!

– В восемнадцатой. А что?

– А ничего. – Глеб двинулся к выходу. – Пойду знакомиться. Может, что получится. К тому же у меня сегодня... такой шикарный узел на галстуке, в гроб вашу душу мать!

Он очень грубо оттолкнул Светку от входной двери. Оттолкнул так, что она отлетела и стукнулась головой о стену и захныкала. Ванька тут же заревел. А вот тещенька, как ни странно, молчала. И улыбалась ему вслед, старая коварная гадина.

Это что могло значить? Это значило то, что все идет, как она задумала! Она задумала развести его со Светкой и свести со своей соседкой. Решила похлопотать о зяте напоследок. Чтобы, значит, он не почувствовал себя одиноким, когда жена соберется в очередной раз его бросить. Светка ведь наверняка отчиталась маме о том страшном дне. И о слезах его, наверное, тоже рассказала... сука! И еще, чтобы зять в хорошие руки попал и Ванечка мог навещать папу при случае...

Господи! Как он жил все это время?! С кем жил?! Во имя чего жил?! Кем был? Слепцом!!! Или... рогоносцем?!

Дверь восемнадцатой квартиры открылась не сразу. Он долго жал кнопку звонка. Понял по пропавшей стреле света из дверного глазка, что его рассматривают. Долго это продолжалось. Или показалось ему так. Потом она открыла.

– Здравствуйте, – поздоровалась высокая темноволосая девушка, стоящая на пороге своей квартиры в широченной нелепой кофте до колен и босиком. – Вам кого?

И она вдруг брезгливо поморщилась, когда он вздохнул и выдохнул в ее сторону.

Перегаром от него несет, понял Карпов и устыдился. Напился, как свинья, со своего мужского горя. Притащился к постороннему человеку, который ни сном ни духом о его проблемах. Вытащил из постели, наверняка. Больно уж кофта чудная на ней надета, да босиком еще.

– Что это на вас надето? – прищурился вдруг Карпов, внимательно рассматривая широченную кофту без рукавов, яркого лимонного цвета с коричневой орхидеей по подолу.

– На мне? – она растерялась. – Туника. А что?

– А я решил, ночная рубашка. Извините, думал, разбудил.

– В Москве полдень, – напомнила она и чуть отступила, когда он в очередной раз обдал ее запахом перегара. – Вам чего нужно-то, уважаемый? Я вас знаю?

– А чего вы незнакомым мужикам дверь открываете? – огорчился он вдруг. – Кругом зверья полно. Вы одна живете...

– Откуда знаете?! – перепугалась она так очевидно, что он снова устыдился и тещу проклял. – Погодите, погодите... Кажется... Вы зять Натальи Ивановны! Глеб, точно!

– Глеб, точно, – выдохнул он с облегчением, но теперь уже в сторону. – А вы Кристина. Извините, что приперся. Она сказала... Я и пришел.

– Что она сказала такого, что вы решились на визит?

И вот тут он вдруг по блеску в ее умных серых глазках понял, что она в курсе. Эта очень высокая и очень симпатичная девушка, живущая одна этажом выше его тещи, обо всем знает.

А о чем обо всем?

– Поговорим? – спросил Карпов и, не дожидаясь приглашения, шагнул внутрь ее квартиры.

Глава 3

Когда она рассматривала его в дверной глазок, он показался ей отвратительным. Странно, что раньше, провожая их семейство взглядом от подъезда до машины или от машины до подъезда, она находила его привлекательным. А Светлану – дочь Натальи Ивановны – серой, невзрачной и очень бледной рядом с ним. А потом...

Потом, когда открыла ему и поговорила непонятно о чем, вдруг снова понравился.

Добротный мужик, как сказал бы ее папа!

Высоченный, где-то метр девяносто. Ничего лишнего в фигуре, хотя к его возрасту мужики уже животами обзаводятся.

Каким был его возраст, она понятия не имела, его сын собирался в этом году в школу идти, значит, Глебу далеко за тридцать. И животу пора вырасти, а его у него не было. Что опять же говорило в его пользу.

Волосы хорошие. Не кудрявые, она терпеть не могла кудрявых мужиков. Но густые и послушные. Глаза темные, не рассмотреть точно, какого цвета, но точно темные и умные. Рот обычный, мужской. Нос прямой, тоже самый обычный. И скулами его Симка точно не пленилась бы. И руками возможно. Обычные самые руки.

Но в общем и целом Глеб Карпов – зять Натальи Ивановны – производил впечатление нормального, симпатичного мужика. Правда, к полудню субботы оказавшегося почему-то пьяным.

– Хотите кофе? – не зная с чего начать, начала она с банальностей.

– Не хочу я кофе, я бутылку водки сейчас в одно лицо выпил, и так в голове бухает. – Он потер лицо ладонями, растрепав идеально лежащие пряди волос, глянул на нее виновато: – Может, и не от водки бухает.

– А от чего? – решила она быть вежливой.

– От чего? – он даже не раздумывал особо, начав ей все рассказывать, и на реакцию ее не смотрел, а себя скорее слушал. – Сегодня, к примеру, я узнал, что являюсь для вас идеальной совершенно кандидатурой в мужья. И сообщила мне об этом теща! Потом я узнал, что она пытается развести нас с женой... Как думаете, почему?

– Не знаю, – ответила Кристина честно, потому что не знала, как можно осознанно отказываться от такого добротного, как сказал бы папа, нормального мужика.

– Потому что она считает, что я за десять лет ни разу не удовлетворил свою жену!!! – взревел-таки Глеб, произнеся эту гадость вслух и тут же осознав, насколько она гадкая.

– А вы ее не удовлетворяете? – тут же спросила Кристина и пожалела об этом.

Ей-то, собственно, какое дело, удовлетворяет он или нет свою серую мышку?! Она же не может всерьез воспринимать слова пьяного мужика и выжившей из ума старушки. Наталья Ивановна, между прочим, ей тоже намекала на то, что зять ее – идеальная пара Кристиночке. Это же не значит...

– Когда в последний раз у вас был секс, Кристина?

Он сам едва понял, что спросил. Смотрел на нее внимательно, но вряд ли понимал, о чем спрашивал. Так ей, во всяком случае, хотелось думать. Разве же спрашивают о таких вещах при первом знакомстве? А они толком и не познакомились даже. Он назвал ее имя, она его, на том и сошлись. Потом принялся жаловаться на жену и тещу. О жутких вещах рассказывал, ее просто подбрасывало от желания закрыть ему рот рукой и не слышать этих мерзостей.

Неужели не врет? Неужели милая Наталья Ивановна может быть такой скверной? А Светочка? Она-то что, с ума сошла, что ли, раз обсуждает с матерью такие вещи?!

Кристина и сама порой откровенничала со своей мамой, и папу не обходила вниманием, но не до такой же степени, простите!

– Когда в последний раз у вас был секс, Кристина? – снова повторил Карпов и уставился вдруг на ее босые ступни.

Ага, значит, отлично понимает, о чем спрашивает, смекнула тут же она. Знать бы вот, с какой целью...

– А вы с какой целью интересуетесь, Глеб? – осмелела она, хотя поначалу решила было отделаться мнимой глухотой и перевести разговор на что-нибудь иное.

– Я? – Он кашлянул и поднял взгляд свой до уровня ее коленок. – Просто... Просто хотел предложить вам себя в качестве партнера, раз уж теще так этого хочется. Уважим Наталью Ивановну, а?

– В качестве какого партнера, Глеб?

Голос Кристины сделался обманчиво вкрадчивым. Она не возмутилась, не набросилась на него с кулаками, не попыталась вышвырнуть за дверь. Хотя тут вряд ли справилась бы. Возня одна, а толку? В нем почти метр девяносто и сил немерено, а она...

Она всего лишь женщина.

– В качестве какого партнера, спрашиваете? – И он вдруг, набравшись храбрости или наглости, пойдя пойми, что им двигало, пересел к ней на диван с кресла. – А какой бы вас устроил, Кристина?

– Ну...

Почему она его не боялась? Почему?! К ней в дом ввалился чужой, незнакомый ей мужик, причем в изрядном подпитии. То страсти невообразимые рассказывает, то делает предложения непристойные. Она дома одна, никто о его визите к ней не знает. Даже если она и закричит, звукоизоляция в квартире великолепная, ее никто не услышит.

Но кричать-то ей и не хотелось, вот в чем дело! А почему?

– Почему вы молчите, Кристина? – потерял ее за крохотный воротничок домашней туники Карпов. – Поговорите со мной.

– Хорошо, поговорим, – согласилась она и подняла на него глаза.

Они сидели на ее диване слишком близко. Непозволительно близко. Но она не виновата, это он сам так сел, когда покинул кресло, на которое она ему сразу указала. Может, он и не специально так уселся, но не знал ведь, что подушки диванные слишком мягкие. И утопаешь в них, как в перине. И почему-то сразу ближе друг к другу делаешься.

Это немного ее волновало, но не настолько, чтобы перепугаться.

Она рассматривала его лицо. Он стеснялся своего перегара и старался дышать в сторону.

А у него и правда очень темные и очень умные глаза, подумала она почему-то. И рот по-мужски жесткий. Скулы самые обыкновенные, Симка не впечатлилась бы ни за что, но вот подбородок был что надо. И ей вдруг захотелось потрогать его пальцем. Он в самом деле настолько гладко выбрит или это оптический обман из-за приспущенных римских шторм на окнах?

– Говорите, Глеб, – непонятно почему шепотом попросила Кристина.

– У вас есть мужчина, Кристина? – спросил он, старательно выдыхая в сторону, но исправно косясь на ее коленки и ступни, дались они ему. – Хотя о чем это я! Теща сказала, что вы одиноки! Мужчины, стало быть, нет. А как насчет секса?

– Что вы пристали с сексом, Глеб? – она улыбнулась и, не удержавшись, тронула все же его подбородок кончиком пальца, он был чуть шероховатым и показался очень приятным на ощупь.

– Я не пристал. Я просто спросил.

Ее жест его удивил и обескуражил, и пышный узел галстука моментально начал давить. Будто теща встала за спиной и натянула галстук сзади, как вожжи. Осади, мол, зятек, довольно. Но уж нет, мама, мелькало злорадное у Карпова в мозгах, за что боролись, на то и напоролись.

Сводничеством решила на старости лет заняться, сука?! Дочку Жоржу, зятя – Кристине? Пусть так и будет! Он не обижается. Как раз напротив. Он и думать не мог, что девушка эта окажется такой милой и привлекательной. Решил, пока наверх поднимался, что это тещин очередной плевком ему в лицо, а оказалось...

– Секс у меня случается, не переживайте, – улыбнулась Кристина умным темным глазам напротив.

– Я не переживаю. Просто...

– И идея самореализоваться за мой счет, самоутвердиться после нанесенных оскорблений – не самая лучшая, – продолжила она говорить, игнорируя его смущение. – Думаю, что все совсем не так. Возможно, вы драматизируете.

– Я?! – Он отскочил от нее к диванному подлокотнику, оскорбившись тем, что ему не верят. – Да я все своими ушами слышал!!! Вот этими вот!

И он оттопырил тут же оба уха, сделавшись смешным и простодушным, как Иван дурак из сказки.

– Подслушивали! – Она закивала с укоризной. – Это некрасиво!

– Был вынужден, уж извините. – Он оставил свои уши в покое, зато коленки ее продолжил сверлить взглядом. – Играл с сыном в солдатиков, слишком близко лег головой к двери в кухню, которую они постоянно прикрывают, ну и... Узнал о себе много нового!

– И что же вы узнали?

Кристина выбралась из мягкой диванной подушки, подошла к балконной двери и приоткрыла ее, впуская прохладный октябрьский воздух в дом. Ей вдруг сделалось очень душно, хотя была босиком и в тунике, а под ней почти ничего. Покосилась на фикус, присмиревший в балконном углу, тот сейчас в дом не просился. Чувствовал чужое присутствие?

– Я узнал о том, что жена собирается мне изменить с каким-то Жоржем, – немного искажил Глеб, но не рассказывать же о том, что подслушивал не единожды. – Потом, что я не слишком хорош для нее в постели. Потом мне не прямо, нет, но указали на дверь. Сначала на дверь Натальи Ивановны, потом на вашу. Конечно, мой визит к вам... Глупо получилось, простите. Выпил просто, осмелел или охамел окончательно. Простите, я сейчас уйду. А ведь вы угадали, Кристина! Теща не зря характеризовала вас как сообразительную.

– Угадала что?

Она быстро отошла от окна, вспомнив, что ее туника просвечивается. Карпов, кажется, тоже это обнаружил и скользил теперь по ее фигуре взглядом.

Кристина улыбнулась.

Снова ведь было не страшно. Почему? Волнующе, да. Будоражаще, тоже немного. Но совсем не боязно. Почему?

Может, потому, что не каждый день в ее квартиру вваливались чужие пьяные мужья с предложениями партнерства в сексе? Это было ново, нагло, оттого и будоражило?

– Вы угадали, что я хотел с вами... Ну... Хотел вас...

– Догадаться было не сложно, – кивнула она, присаживаясь к большому овальному столу.

Стол она очень любила. Она, как только присмотрела с родителями эту квартиру, то сразу решила перенести к чертовой матери все стены, чтобы можно было вместить в гостиной такой вот огромный овальный стол из настоящего дуба с красивой резной каемочкой, на толстенных, деликатно изогнутых ножках. Гостиная нужна для гостей. И вмещать их она должна без счета. Спальня что? Там одной кровати и шкафа достаточно, пускай потеснится квадратными метрами. А вот в гостиной непременно требуется мягкий удобный диван, несколько кресел, огромный стол с частоколом стульев вокруг него. Ну и большущий телевизор на стене, как без него!

– Вот... – вздохнул Карпов полной грудью, будто хотел что-то добавить, но вдруг передумал и повторил едва слышно: – Вот...

Тишина, повисшая в комнате, вдруг начала действовать ей на нервы. Ну чего он молчит? То с порога готов был в койку ее затащить, гарцевал, коленки ее рассматривал, а то сидит, пальцами перебирает, глаза опустил.

– Я должен извиниться... наверное, – не придумал он ничего лучше.

– Извиняйтесь, – позволила Кристина с ухмылкой.

Вот вам и пожалуйста! А как же обещанное партнерство?! Наталья Ивановна жизнь прожила, знает, что делает. Не просто так соединила их своим благословением. А характер Кристины изучить успела, а уж характер зятя так вообще вдоль и поперек. И отпустила сейчас, слова не сказав. Может, и иконой ему вослед помахала, чтобы больше не возвращался...

Нет, ну чего язвить-то, а? Чего сарказмом надрывать? Глеб понравился? Так и признай. Давно ведь к нему приглядывалась. Как только Наталья Ивановна разговор завела об их невероятной совместимости, так и приглядываться к нему стала. И когда на пороге твоем возник, не перепугалась, впустила в квартиру. И разговор двусмысленный не прекратила, а всячески поддерживала. И...

И если бы вдруг он полез к ней под домашнее платье, не факт, что останавливать стала. И это при всем при том, что жена его сейчас этажом ниже за обе щеки уплетает рыбный пирог, состряпанный мамой.

Да уж, мама ее стряпать мастерица! Как борщи с пирогами, так и союзы лепить удумала. А что для Глеба это трагедия, и подумать не удосужилась.

У Кристины вдруг испортилось настроение.

Конечно, он пришел к ней не потому, что в самом деле считал ее привлекательной женщиной. Он и не видел Кристину ни разу до сегодняшнего дня. А сюда ворвался, чтобы отомстить, сделать больно так же, как ему сделали.

«А предложенное партнерство – это всего лишь минутная слабость», – подумала Кристина с сожалением.

– Вам не за что извиняться. – Она поднялась со вздохом из-за стола и взяла курс в прихожую. – Идемте, я вас провожу.

– Да, да, конечно. Все же извините меня, Кристина. Глупо получилось. Водки выпил, я вообще-то не пью, а тут... Извините, – бормотал Карпов ей в затылок, следуя за ней по пятам. – Извините...

– Всего вам хорошего, Глеб, – прислонившись щекой к дверной притолоке, пожелала она напоследок и даже ручкой помахала.

– Да, спасибо, Кристина, – он закивал, отошел на метр от ее двери и вдруг остановился и проговорил с горечью: – Знаете, что самое страшное во всем этом?.. Она ведь знала, куда я сорвался, и даже не бросилась за мной!

– Кто? – не сразу поняла Кристина, уже почти прикрыв дверь.

– Светка! – Он снова шагнул ей навстречу и перед тем, как уйти, снова повторил с сожалением: – Светка должна была прийти за мной. А не пришла! Это... Это никуда не годится...

Он убрался, этот неожиданный странный визитер, а у нее весь день пошел насмарку. Собиралась пройтись, посидеть где-нибудь, потом в Интернете полазить, почитать, что же там такого жуткого случилось прямо под ее окнами. А тут ну просто руки опустились, и все.

Забралась с ногами на диван и просидела с полчаса, не двигаясь. И все думала и думала. Толком даже не зная, о чем. То про Глеба все, про его жизнь, на первый взгляд счастливую, а на поверку – неказистую совершенно. Про жену его, которая не пришла за ним к молодой незамужней соседке. А должна бы по логике вещей. Про Наталью Ивановну с ее неумемной энергией. Про себя, втянутую в некрасивую историю. Ведь старушка назавтра наверняка не упустит случая и закидает вопросами. А что отвечать? Правду? А в чем правда? Неизвестно...

Надо бы Симке позвонить, та считала себя экспертом во многих вопросах, в любовных так особенно, невзирая на постоянные неудачи. Да занята наверняка своим легкоатлетом.

Взбила кудряшки повыше, подкрасила глазки, приделась и сидит ждет его звонка, если уже не дождалась.

Всегда так! Как она особенно остро нужна, она вечно занята. Ни совета тебе, подруга, ни помощи!

Кристина все же решилась ей позвонить, хотя та и намекала, что будет недовольна, если подруга займет линию.

Нет, никто домашний телефон не взял. А мобильный вдруг оказался отключенным.

Кристина нахмурилась.

Это еще что за новости?! Симка его никогда не отключала. Всегда проверяла зарядку перед тем, как выйти из дома. Подключена была сразу к нескольким операторам, так, на всякий случай. Все сим-карты носила с собой. В крохотном отделе кошелек, закрывающемся на «молнию». И всегда оставалась на связи. Всегда! Что сегодня-то?!

На душе вдруг сделалось мутно. Слезла с дивана, послонялась по квартире. Вышла на балкон, а на улице дождь. Да такой припустил, что улицы моментально сделались серыми, мокрыми и некрасивыми. Теперь-то она уж точно никуда не пойдет.

К своему «не хочется» она бы ни за что не стала прислушиваться. И силой выволокла бы себя на воздух. И погуляла бы, и посидела где-нибудь, может, даже Сереже Шипову позвонила, отчаявшемуся вытащить ее куда-нибудь на чашку кофе. Но в дождь – ни за что.

Это не майский ухарский струйный перепляс, когда хоть туфли скидывай и босиком по лужам. Это октябрьский мокрый сумрак, безрадостный и тусклый, как черно-белое кино.

Включила компьютер, решив посетить всемирную сеть раньше запланированного времени. Сделала запрос и уже через минуту внимательно изучала все, что просочилось в СМИ по делу о нападения на инкассаторов.

История в самом деле поражала своей жестокостью и дерзостью, было маме отчего переполошиться.

Вчера, в пятницу то есть, ближе к трем часам дня, когда на улице светлым-светло и полно прохожих, на инкассаторов банка, расположенного на первом этаже жилого дома, что в паре кварталов от места ее проживания, было совершено нападение. В результате нападения один из них оказался смертельно ранен и скончался потом в больнице. Водителя убили на месте. Второму инкассатору повезло, он замешкался на выходе из банка и сумел увернуться от пуль.

Так прямо и написали – сумел увернуться.

Кристина поморщилась.

Ох, уж эти писаки! Как же интересно он от них уворачивался? Отпрыгивал, выгибая стан? Или по земле ползал, извиваясь гигантской ящерицей? Нет бы просто написать, что парень, вопреки служебным инструкциям, не вышел одновременно с коллегами из банка, потому и не сумел прийти на помощь. Потому и жив остался.

Так замешкался он на выходе или намеренно не спешил?

Этот вопрос Кристине был очень неприятен, и она ни за что не осмелилась бы задать его тому парню. Но почему-то была уверена, что именно его теперь и донимает милиция.

А его, может, сама судьба оберегла от гибели. И вменять ему в вину то, что он не погиб, несправедливо.

Еще пара изданий вообще несла полную ахинею. И что денег в той машине было немаленько. И что сами сотрудники банка виноваты в ограблении, потому что служба безопасности у них не работает должным образом. И доступ, мол, к конфиденциальной информации мог иметь каждый. Не имел только ленивый. И что клиентами банка были сплошь бандиты. И деньги там отмывались.

Еще одно издание намекало на то, что убитые состояли в преступном сговоре с грабителями, больно уж странно себя вели. А убили их почему? Так от лишних свидетелей и лишних ртов избавились бандиты.

Наиболее солидные издания выложили в Интернет весьма скудную информацию, уместившуюся на трех-четыре строках.

Да, было совершено нападение. Убит водитель банка, находившийся в момент нападения за рулем. И один из инкассаторов, не переживший тяжелейшего ранения. О размере похищенных средств неизвестно, так как руководство банка содержит эту информацию в тайне. Второй инкассатор остался жив и сейчас отвечает на вопросы следователей.

Больше ни о самих грабителях, ни о том, ждала ли их машина, или они скрылись на инкассаторской, никакой информации Кристина не нашла, сколько ни старалась.

Через час она выключила компьютер, слегка раздосадованная.

Если так скупы сведения, значит, информации и в самом деле кот наплакал. Видел кто грабителей, нет? Как они выглядели, были ли в масках или не прятали наглых физиономий? Имеются ли свидетели?

Ни слова об этом!

– Так ничего и не сказали! – возмутилась мама, когда Кристина позвонила ей, чтобы уточнить.

Та ни одной криминальной сводки по телевидению не пропускала.

– Ни слова, Тиночка, ни единого! Видимо, дело совершенно безнадежное! – деловито изложила свою точку зрения родительница. – Власти, думаю, пребывают в полной растерянности от такого вопиющего разгула преступности. Это ведь не первый случай.

– Да, – очнулась от раздумий Кристина. – А тогда так же все происходило?

– К сожалению, да. Ни одного лишнего слова. Ни одного лица по телевизору, который бы что-то видел или кого-то узнал.

– Ма, а грабители были в масках?

– Когда?

– Ну... Вчера и тогда, давно?

– Про вчера не знаю. Говорю же, ни одного слова лишнего, как воды в рот набрали. О руководстве банка, о каких-то грязных деньгах на коммерческом канале много болтовни, а вот о самих бандитах – ни гугу. – Мама чуть перевела дух и продолжила: – А вот в двух предыдущих случаях, да – были в масках, комфляжах и высоких ботинках на шнурках. Одеты, как спецназовцы, потому и внимания на них никто поначалу не обратил.

– Подумали, охрана?

– Видимо, так.

– А когда они открыли стрельбу...

– Да, тогда уж и переполошился народ. – И мама снова завела ту самую песню: – Тиночка, детка, может, ты пока у нас поживешь?

– Почему, ма, я должна это делать? – не сразу сообразила Кристина.

– Так ведь банк совсем рядом с тобой. Вдруг они захотят повторить свою преступную дерзость?!

– Это вряд ли. – И желая утешить мать окончательно, добавила со значением: – А вот через дом от вас ювелирный магазин расположен. Кто знает, может, грабителям надоест грабить банки, и они начнут налетать на ювелирные магазины. И обменник совсем близко. Вдруг и на него нападут? Тогда куда мне бежать прикажешь, мамуль?

– Да... Это тоже не выход. – Мать вздохнула очень красноречиво, стало быть, последует очередная волна уговоров. – Потому я и говорю, милая, пора тебе подумать о замужестве.

– Я о нем думаю.

Кристина закатила глаза под лоб.

И зачем она только позвонила матери? Все проклятое любопытство и лавры несостоявшегося следователя покоя не дают. Поступала ведь, два года подряд поступала, не прошла

комиссию, кто бы думал! Давление им ее не понравилось, видите ли! Давление и природная бледность, намекавшая на анемию.

– Я здорова! – пыталась она убедить настырного дядьку в приемной комиссии, два года подряд заворачивающего ее документы. – И нет у меня никакой анемии!

– Нет, так будет, – пообещал он ей и по руке ободряюще так похлопал. – Тут ведь не институт благородных девиц, милая. Тут очень опасная и трудная служба.

– Я и буду служить!

– Да, а потом у вас надорвется здоровье. Вы засядете на больничных и испортите все показатели своему руководству. – Потом он начинал по-настоящему сердиться и покрикивал на нее, показывая кивком на дверь. – И я не могу фальсифицировать заключения медицинской комиссии, увольте меня от этого, милочка!

Милочке пришлось идти на журфак, потом догоняться экономическими и юридическими курсами, когда уже работать начала. Работа неожиданно понравилась, люди тоже. Но вот тягу к расследованиям запутанных историй Кристина так и не утратила. И даже пару раз давала дельные советы начальнику службы безопасности на их фирме. Тот остался доволен.

– О замужестве не нужно много думать, – тут же, сама себе противореча, строго заговорила мама. – Туда нужно хотя бы раз сходить, милая моя.

– Схожу, ма, непременно схожу хотя бы один раз. Вот как только меня кто-нибудь позовет, так и...

– Тиночка, детка, – тут же зажурчала, зажурчала мама.

Моментально припомнила длинный список холостых сыновей всех своих знакомых и начала их тут же поименно, как глашатай, Кристине выкрикивать.

Ей иногда казалось, что все эти имена у матери хранятся выписанными на длинном свитке. Свиток тот был из красивой лощеной бумаги, благородно перетянут шелковым шнуром и хранился в среднем ящике маминого любимого секретера, запираемого на крохотный медный ключик. Как только возникала надобность в свитке, мать извлекала его из ящика, разворачивала длинную бумажную ленту, и начиналось:

– А Славик Трухачев! А Витенька? Витенька, он же по тебе с восьмого класса сохнет. Герочка тоже славный! Говорят, в Англии был этим летом. Контракт заключил. Стас! Я совсем забыла про Стаса, Тиночка! Он же звонил нам на днях. Спрашивал о тебе, между прочим. Настойчиво интересовался твоим свободным временем. Разве Стас плохой мальчик, Тиночка?

– Мама! – прикрикнула Кристина, устав слушать. – Мне не нужен мальчик, мама! Мне нужен мужчина.

И положила трубку. И тут же вспомнила о мужчине, посетившем ее сегодня со странным нелепым визитом. Можно назвать его настоящим или нет? Почему его жена и его теща с такой легкостью готовы с ним расстаться? Почему отпустили его к ней и не поспешили вернуть? А он ждал! Все время ждал, пока сидел рядом с Кристиной и тарасился на ее коленки. И не уходил, все медлил оттого, что ждал. Ждал и думал, а вдруг придут.

Что с ним не так? С ним или с ними?

Кстати, он работает в милиции, вдруг вспомнила Кристина. Наталья Ивановна не сетовала на его скромные, по нынешним меркам, заработки. Наверняка ему известно об этих ограблениях намного больше, чем пишет пресса и вещает телевидение.

Чем не повод для новой встречи?

Кристина тут же замотала головой, пытаясь прогнать мысли о Карпове. Ненужные глупые мысли о чужом муже.

И непонятно стало: ей повод нужен для встречи или в самом деле интересно узнать чуть больше, чем знают остальные о налете на инкассаторов? Так с последним вообще не проблема. У Сережи Шипова есть свои люди в органах. Только пальцами щелкни, он эти сведения ей в клювике принесет.

Но вот почему-то не хотелось Кристине ради Шипова даже пальцами щелкать, хотя он очень хороший мальчик, как наверняка охарактеризовала бы его ее мама.

Умный, серьезный, очень симпатичный и перспективный. Уже сейчас его зарплата вдвое больше, чем у Карпова. А что-то будет дальше! Он ведь только на самой низшей ступени карьерной лестницы. Вверх ползет непременно, все задатки тому имеются. И многозначительный шепот по коридорам фирмы уже как с месяц блуждает. И все с ним было, есть и наверняка будет благополучно. Все, кроме одного.

Она не видела в нем своего мужчину! Не видела, хоть убей. А вот Карпов ее неожиданно взволновал.

Они уезжали из гостей часа через полтора. Кристина, стоя на балконе, наблюдала за тем, как семейство Карповых медленно движется от подъезда к машине. Наталья Ивановна селась рядышком и все совала Глебу какой-то сверток. Тот сердито отмахивался и на тещу не смотрел, Светлану он тоже игнорировал, зато сына крепко держал за руку, словно боялся, что и тот его предаст. И уселся с ним на заднем сиденье автомобиля. Светлана села за руль и еще минут десять выслушивала материнские нотации, которые та нашептывала ей, прислонившись животом к водительской двери.

Интересно, о чем они шушукались?

То, что разговор велся полусшепотом, Кристина не сомневалась. Слишком уж Светлана далеко высунулась из машины, а Наталья Ивановна почти касалась ее уха губами.

Снова говорят о Глебе? Интересно, был ли скандал после его возвращения или все воспринялось как должное?

Никогда Кристину не интересовали бытовые распри в чужих семьях. Все-то они казались ей мелкими и несущественными. И в разговорах с друзьями и знакомыми она всячески уворачивалась от подобных тем. А тут прямо зубы занули, так захотелось узнать, о чем шушукуются эти двое: мать и дочь. И что в этот момент делает и думает Глеб, затаившийся на заднем сиденье за тонированными стеклами.

Семейство Карповых наконец уехало. А Наталья Ивановна поспешила к подъезду, но перед тем, как скрыться под навесом, неожиданно подняла голову и посмотрела на окна Кристины. И той даже показалось, что она улыбается. Ехидно улыбается!

Может, показалось?

Кристина озябла, виновато покосилась на фикус, которому на балконе тоже было не так, как в мае. И пошла на кухню готовить обед.

Она не любила готовить, но и при явном нежелании у нее получалось довольно-таки вкусно сварить борщ либо состряпать пельмени. Очень удавались тоненькие блинчики. Симка уплетала их обычно пачками, обмакивая либо в сгущенку, либо в варенье, позабыв о контроле над собственным весом. Почему же она не отвечает на звонки?

Кристина поставила на плиту сковороду, уложила плотно большие порции бифштекса из телятины и снова взялась за телефон.

Нет, подруга точно влюбилась по уши, раз дома ее нет, а все до единого номера ее мобильного находились либо вне зоны доступа, либо абонент в сети был не зарегистрирован, либо якобы отключен.

– С ума сошла, что ли? – пожаловалась самой себе в зеркало Кристина. – Первый день знакома, а она уже готова за ним и в огонь и в воду!

Но на душе все равно было очень противно и тревожно. И успокоиться старалась, не думать о безбашенной подруге, которая уже через неделю будет уничтожать пачками ее бумажные платки и проклинать всех на свете мужиков. И делами занялась вплотную. Обед приготовила, за пылесос схватилась. Даже фикусу листья протерла теплой водичкой, раз уж вынуждает его снова ночевать на балконе. Потом отсортировала белье, приступила к стирке, тут же что-то гладила, развешивала в шкафу.

Но как ни старалась, Симкино безрассудство из головы не шло.

Нет, ну как так можно, а?! Неужели не понимает, что люди за нее переживают, волнуются?! Координаты хотя бы могла оставить кому-нибудь?

Кстати...

Позвонила Симкиной матери, хотя вариант заведомо был проигрышный.

Тетя Лена с томным вздохом сообщила, что с дочерью не разговаривала уже два месяца.

– Что случилось, тетя Лена? – вежливо поинтересовалась Кристина, хотя приблизительно догадывалась, о чем речь.

Мать ее подруги бросила Симкиного отца лет десять или двенадцать назад. Укатила с каким-то циркачом, оставив на попечение Митяя, так она называла своего мужа, старую больную мать, собаку с выводком щенков и Симку. Дочь, правда, к тому времени уже была достаточно взрослой, но все равно считала, что матери не следовало так нагло поступать со всеми ними. Особенно с бабушкой и собакой.

– Отец-то переживет, – уверяла она Кристину. – Он у меня еще молодой и достаточно интересный, быстро себе найдет кого-нибудь. Я тоже не подросток. А бабушка!!! Она же плачет день и ночь! А собака?! Она воет по матери без конца, хоть вешайся, честное слово!

Как-то так получилось, что все, за кого так переживала Сима, с бегством тети Лены быстро справились, привыкли и даже постарались больше не вспоминать. А вот сама Сима и дядя Митя...

Тот так себе и не нашел никого, начал пить, лишился работы и через три года после того, как его бросила жена, помер. Сима, оставшись вдвоем с больной бабушкой, очень тяжело переживала смерть отца и поклялась, что матери никогда этого не простит. Бабушка возвращения блудной дочери так и не дождалась. Сима осталась совершенно одна. Собаку она не укараулила, та удрала как-то во время прогулки и больше уже не вернулась.

Погоревав с год, Сима развернула бурную деятельность по продаже квартир, гаражей, подержанной иномарки и спортивного мотоцикла, доставшихся ей в наследство. Отец и бабушка еще при жизни завещали все ей. Потом продала загородный домик. Часть денег вложила во что-то, Кристина не особо интересовалась. На остальные купила хорошую квартиру в центре города, дорогую машину, гору тряпок и украшений, начала кататься по курортам. Но работу при этом не бросала.

– У тебя же есть деньги, бросай, – советовала ей Кристина, когда подруга принималась особенно нудно завывать про то, как ей не хочется в понедельник снова вставать рано поутру и топтать на работу.

– Ага! А дома я что делать стану?! Был бы муж любимый и дети, а так что?! Да и куда я все свои наряды надену? На тусовки? Это скучно. Да и народец там примелькался.

– А на работе? Не примелькался? – улыбалась Кристина.

– О-оо, у нас текучка, знаешь, какая! Шеф отделы маркетинга и внешних экономических связей раз в квартал обновляет. А туда такие мальчики приходят!

– Они же шнурки не завязывают и чайные пакетики в чашках оставляют, – подтрунивала над ней Кристина. – Ты же про них все буквально знаешь.

– Ну и что! – не сдавалась Сима. – Уйдут одни, придут другие! И другие могут быть другими...

Одним словом, интерес к работе у Симы имелся вполне конкретный и обоснованный, и, невзирая на финансовое благополучие, она продолжала вставать рано поутру пять раз в неделю и никогда не прогуливала.

Ничего, она ее в понедельник точно достанет. На работу-то она явится по-любому. Даже если на все выходные решила залечь со своим красавчиком в койку.

– Хоть бы ты с ней поговорила, Тиночка, – сетовала на несговорчивую дочь между тем тетя Лена. – Нельзя так с родной матерью обходиться. Объясни ей, этой неразумной девице!

Обходила Симка, на взгляд Кристины, со своей матерью именно так, как та того заслуживала.

Просто-напросто отказывалась с ней встречаться.

– Она не нашла за десять лет ни единой возможности позвонить, написать письмо или просто узнать через знакомых, как мои дела?! – возмущалась Сима, когда Кристина пыталась с ней поговорить. – Она не приехала на похороны к папе, не хоронила бабушку! И это притом, что жила в соседнем райцентре, всего в каких-то двухстах километрах отсюда. А теперь ей общения со мной захотелось?! Знаю я, откуда у этого желанья ноги растут!

Интерес тети Лены произрастал из жилищной проблемы, которая у нее нарисовалась на старости лет. Расставшись с циркачом, который оказался негодяем и бабником (конец цитаты), тетя Лена вернулась в родной город, но жить ей оказалось негде. Недвижимость досталась наглрой дочери (тоже цитата), которая все спустила, не подумав о матери. Так мало того, мать на порог в свою квартиру не пускает, хотя одной Симке трех огромных комнат за глаза.

– Говорю ей, что мне невозможно в моем возрасте скитаться по съемным углам, – продолжала жаловаться тетя Лена со слезой, которая, впрочем, Крестину оставляла равнодушной. – Пусти мать к себе! А она ни в какую. Да грубит мне, гадости какие высказывает. Говорю, внуков твоих воспитывать стану, когда они появятся. А она, Тиночка, знаешь, что отвечает?

Кристина приблизительно догадывалась, но все равно спросила:

– Что?

– Я, говорит, тебя к ним на пушечный выстрел не подпущу. Это своей-то матери говорить такое!..

Судя по неподдельным горестным интонациям в жалобах тети Лены, ее бросил очередной возлюбленный. Романы у нее случались и теперь, невзирая на возраст. И всякий раз бывало уже всё – навсегда, сколько же можно ошибаться. Она собирала нехитрые пожитки (с циркачом не особо разбогатела) и перебиралась к любимому, сдав ключи квартирной хозяйке. Потом что-то опять не залаживалось, любимый выставлял тетю Лену за дверь, оказавшись очередным мерзавцем, и она снова принималась скрестись в Симкину дверь. Та ей отказывала, разумеется. И тогда тетя Лена вновь пребывала в поисках съемного жилья и нового ухажера.

Сейчас, видимо, выдался как раз такой вот случай.

– Тиночка, детка, поговори с ней, прошу тебя! – разрыдалась тетя Лена.

– Хорошо, поговорю, – устыдилась тут же Кристина.

Ей немного было жаль тетю Лену за такую нескладную жизнь и за бесшабашный характер.

– Ты ведь не далеко от нее ушла, – попеняла она как-то подруге, призывая ее к пониманию.

– В каком смысле??? – взвилась та моментально с визгом.

– В смысле своих влюбленностей. Они тебя тоже до добра не доведут.

– Я никогда не бросила бы своих детей и мать свою не бросила бы! И не смей за нее заступаться!

– Детей у тебя пока нет, их еще завести нужно, – огрызалась Кристина. – А мать свою ты не бросила, ты ее просто не желаешь знать...

После таких разговоров Симка порой снисходила до разговоров по телефону со своей матерью. Интересовалась ее делами, здоровьем. Даже бывали случаи, что обедали где-нибудь в городе вместе, за счет дочери, разумеется. На какое-то время восстанавливался худой мир. Но стоило тете Лене завести разговор о переезде к Симке, как та принималась тут же скандалить.

– И она вам больше не звонила? – уточнила Кристина перед тем, как проститься.

– Нет, Тиночка, не звонила. Я, может, погорячилась, пригрозив ей судом, вот она...

– Каким судом?! – опешила Кристина.

– Ну... Я же воспитывала ее до совершеннолетия, теперь пускай и она о матери позаботится.

– Каким образом? При чем тут суд? – все еще не понимала она.

– Я подала на нее на алименты, – с гонором оповестила тетя Лена и, не дав ей возможности сказать хоть что-то, добавила: – Да, пускай знает, что за все в этой жизни надо платить. Она не оставила мне выбора!..

Ох, лучше бы она ей не звонила! На душе сделалось еще противнее. Интересно, знает или нет Симка про мамины фокусы? Как воспримет? Нет, зря она позвонила тете Лене, ой зря.

Дождалась бы как-нибудь понедельника. Вызвонила бы эту маленькую дрянь и отчитала как следует за то, что все телефоны отключила и ни слова не сказала, куда отправляется. А может, та завтра ей сама позвонит. Ночевать-то в канун рабочей недели она наверняка домой вернется. Перышки почистить, гардеробчик перетряхнуть с намерением блеснуть в первый рабочий день недели. У них там будто бы новый начальник отдела продаж должен как раз в понедельник выходить. Симка такого случая не упустит.

Но в воскресенье телефон у подруги по-прежнему молчал. Нет, Кристину, конечно же, на все голоса оповещали, что и недоступна, и не зарегистрирована, и выключена, и заблокирована, сама Симка не отвечала. Она звонила ей до половины двенадцатого ночи, результата не было. Потом Кристина так и уснула с телефоном в руке и едва не проспала на работу, поэтому звонить и песочить подругу с утра оказалось некогда.

На работе в понедельник с утра у них всегда случалось штормовое предупреждение и все носились с вытаращенными глазами, пачками бумаг в руках и орала что есть мочи в телефонные трубки, пытаясь с кем-то договориться, кого-то уговорить, кому-то пригрозить.

Кристина не была исключением. Она тоже лопатила горы бумаг, орала по телефону и уговаривала, разговаривала и даже угрожала иногда. О Симке вспомнила лишь, когда к ней в кабинет просочился Сережа Шипов, ткнулся сухими горячими губами ей в щеку, что она, кстати, не особо приветствовала, и с обидой проговорил:

– Я тебе вчера полдня звонил.

– Я по воскресеньям обедаю у родителей, – рассеянно пробормотала Кристина, пытаясь выудить нужную служебку из-под вороха приказов. – Разве ты забыл? Но у меня мобильный всегда с собой.

– Ага, так он постоянно занят у тебя был, – мягко упрекнул Сережа.

Он всегда укорял ее мягко, без напора. Журил, точнее, как маленького несмышленного котенка, нагадившего в хозяйский тапок. Кристину это почему-то коробило. Лучше бы надулся, накричал даже, чем так вот, как с не развитым до конца организмом.

– Ах да, – поморщилась она и тут же вспомнила о подруге: – Я пыталась дозвониться до Серафимы.

– Она пропала?

Он ведь просто так сказал. Без намека или злого умысла, а у нее внутри все тут же замерло и болезненно захрустело, будто смерзлось там все мгновенно.

– Почему это она должна пропасть?! – заорала на него не своим голосом Кристина, начав тут же растягивать воротник водолазки. – Ты в своем уме, Сергей?!

– Так я просто так сказал. Безо всякого. – Кажется, он обиделся, потому что добавил совершенно непозволительное: – Чего орать-то?

– Извини, – буркнула Кристина и снова набрала Симку, выслушала ответ оператора, потрясла мобильником перед Сережиным носом и пожаловалась: – Вот! Вот опять, видишь! Опять недоступна, черт бы ее побрал!!!

– Чего ты так разволновалась, не пойму! – снова привычно мягко отозвался Сережа и присел к ней на край стола, чего она тоже терпеть не могла. – Сима достаточно взрослая девушка, чтобы за нее так волноваться.

Взрослая Сима была Кристине ровесницей, им обоим скоро должно стукнуть по тридцатнику. Сережа об этом знал. Не намекал ли он на то, что в этом возрасте за женскую честь свою и достоинство уже волноваться не приходится, ибо никто не позарится? Если да, то пускай катится!

– Так полно всяких, – надула она губы. – Им на возраст плевать!

– Кому им? – растерянно поморгал Сережа, совершенно не понимая, что она имеет в виду.

– Грабителям, убийцам, насильникам!

– Господи, Крис! – он любил называть ее так, ей не нравилось, но терпела пока. – О чем ты?! Подумаешь, подруга два дня на звонки не отвечает! Она могла уехать за город и посеять там свой мобильник. Разве на Симу это не похоже?

– Нет, – покачала головой Кристина. – Потерять она не могла. Она очень аккуратна. И домой она должна была бы вернуться накануне рабочего дня. А вчера домашний телефон тоже не отвечал весь день.

– А вечером?

– Я до половины двенадцатого звонила то на один телефон, то на другой, – с тоской пожаловалась Кристина и вонзила пальцы в волосы, не заботясь о прическе. – Я боюсь, с ней что-то не то, Сережа.

– Да уж! – рассмеялся он неожиданно, видимо, намекал на Симкино безрассудство в любовных вопросах. – Что да, то да!

– Хватит смеяться, Сережа, – прикрикнула она на него. – Мне совсем невесело. Надо что-то делать, а что?

– Позвони ей на работу, – нашелся он с ответом. – Наверняка она давно там.

– На работу? А вдруг она запаздывает, а ее там кто-нибудь прикрывает, а я своим звонком ее только подставляю? Нельзя так...

– Тогда надо ехать, – пожал плечами рассудительный Сережа Шипов.

– Куда?

– На работу к ней, домой, к другу ее. Надо искать, а не сидеть и упиваться горем. У тебя даже синяки под глазами появились, Крис, от переживаний.

Это не от переживаний, это от крема, который ей Симка всучила. Вчера после ванны забылась и снова налепила его на лицо. Потом уже опять умываться не хотелось, занята была телефонными звонками. Результат сегодня даже Сережа заметил.

– Поехали, – поторопил он и потянул ее с места за руку. – Ты знаешь, где живет ее парень?

– Парень?

Нет, не знала она его места жительства. Она его и самого не знала. Описание только имелось, и то весьма приблизительное. Великолепно очерченные скулы, сильные руки, шикарный торс, загорелый, легкоатлет, бегаёт гравийной дорожкой по утрам мимо сквера и заброшенного летнего театра.

Что еще? Пожалуй, все.

– Да, негусто, – озадачился Сережа. – Придется начать с ее места жительства, потом на работу ее двинем. Будет уже вторая половина дня. Если она не появится к этому времени, прикрывать ее так долго никто не сможет. Ты готова?

– Сейчас, только самому позвоню, – и Кристина потянулась к телефону внутренней связи, звонить руководству.

Сереже отпрашиваться нужды не было. Он пока в ее подчиненных ходил. Но, кажется, недолго. Невразумительный шепот насчет его повышения сегодня утром стал уже громче и отчетливее.

Они выехали со стоянки на машине Сергея. Ехать рядом с женщиной, когда она за рулем, ему не нравилось. Считал это если не унижительным, то немного недостойным.

Может, он и ничего? Может, и зря она его в хорошенькие благополучные мальчики записала? Может, настоящий? С чего же так не кажется и досада постоянно какая-то присутствует, когда Сережа рядом? И с чего сегодня, стоило проснуться, тут же подумала о Глебе? Нехорошо подумала, запретно, так нельзя думать о чужих мужьях. Спасибо, тревога за Симку вытеснила все из головы, а то неизвестно, до чего додумалась бы, разомлев под бамбуковым одеялом...

– Дома ее нет, – констатировала Кристина, выбегая из Симкиного подъезда и снова усаживаясь к Сереже в машину. – Я звонила, никто не открыл.

– Консьержка или охрана имеется? – деловито осведомился Сережа Шипов.

– Нет, – мотнула она головой и добавила с печалью: – Все сейчас уповают на кодовые замки и видеокамеры. Но я с соседкой ее говорила. Она домохозяйка, никуда дальше магазина на углу не ходит. Постоянно во дворе либо с собакой, либо с внуками. Говорит, что не видела Симу все выходные. И света в ее окнах не было.

– Значит, уехала и пока не возвращалась. – Сергей завел машину. – Едем к ней на фирму.

На фирме, где работала Сима, все напоминало развороченный осиный улей. Все сновало, бегало, жужжало и даже жалило, кажется, потому что двоих сотрудников Сережа с Кристиной застали за диким скандалом прямо в фойе.

Кристину охранник узнал и пропустил беспрепятственно, а вот Сергею предложил подождать перед турникетом. Тот от споров воздержался, не потому, что считал себя неправым, а потому, что вообще не любил этого занятия. Присел возле окна на стул, взял с подоконника какую-то газету и уткнулся в нее, делая вид, что читает.

Кристина со вздохом пошла вверх по лестнице. Вообще-то ей не хотелось идти одной. Волнение за подругу к этому часу достигло той критической точки, когда ноги делаются ватными, мысли неповоротливыми, а речь малопонятной. Не упасть бы, споткнувшись, вот что. А он сел и газету читает, понимаешь!

Дверь отдела, где Сима работала, была плотно закрыта. Кристина ее приоткрыла, протиснула голову, осмотрелась. Симкино место, как она ни надеялась, пустовало.

– Здравствуйте, – из-за соседнего стола в ее сторону шагнул высоченный парень с неприятным взглядом глубоко посаженных мелких глазенок. – Вам кого?

– Мне? Мне нужна Серафима, – улыбнулась она незнакомцу, видимо, недавно принятому, потому что в прошлый ее визит его тут не было. – Могу я ее увидеть?

– Увидеть ее многим хочется, включая начальство! – ухмыльнулся парень язвительно. – Только сегодня Симочка не удосужилась явиться на работу.

Это она и без дураков видит! Стол-то пустует. И привычного беспорядка на нем не наблюдается. Стало быть, как убрала с него все еще в пятницу Серафима, так все по ящикам до сих пор и лежит.

– Она звонила? – сурово сверля парню переносицу, спросила Кристина.

– Мне нет, – улыбнулся он нагло.

– А кому-нибудь звонила?

– Не знаю. Может, Косте? Он с утра с кем-то шушукался по телефону, потом лицо загадочное делал, а потом и сам слинял.

– Куда? Куда слинял?

– А я знаю! – фыркнул парень меланхолично.

И Кристина тут же подумала, что вряд ли он тут задержится. Вот Симка выйдет на работу, так сразу распознает в нем стукача и бездельника.

– Кому еще могла Сима звонить? – прогнала она прочь мстительные мысли. – С кем еще я могла бы переговорить по этому поводу?

– А вы собственно кто? – решил вдруг он проявить бдительность.

Совещание о промышленном шпионаже только закончилось. Озвучивались даже результаты внутреннего расследования. И пара человек должна была собирать вещи в картонные

коробки. И тут вдруг является посторонняя дама и задает вопросы об отсутствующем сотруднике.

– Я? Я ее подруга.

– Какая же вы подруга, раз не знаете, где сейчас находится Серафима? – Он сурово нахмурился.

– Я знаю... То есть знала и ждала, что она вернется, но она не вернулась, – начала мямлить Кристина, чувствуя, как коленки вот-вот подогнутся и она осядет на пол.

– Вот и ищите ее там, откуда она должна была вернуться, но не вернулась до сих пор, – посоветовал язвительно парень, которого Кристина настоятельно порекомендует Симе уволить.

Она повернулась и пошла прочь. Дальше расспрашивать нет смысла. Да и силы были на исходе. Кристина теперь не то что подозревала, она почти уверилась, что с Симкой случилось что-то нехорошее. Она никогда не прогуливала, никогда! И всегда отвечала на звонки. Эту обязательность в ней, сама о том не подозревая, воспитала необязательная мамаша, забывшая о существовании близких ей людей на долгие десять лет.

Сима не могла позабыть сделать звонок, не могла выйти на улицу с разряженным телефоном, не могла забыть пополнить счет и никогда не прогуливала работу. Она должна была позвонить, обязательно должна была.

– Значит, не смогла, – пожалала плечами пожилая женщина в отделе кадров, куда Кристина зашла по пути. – Они вообще что-то всем отделом решили загулять. Сначала Серафима на работу не вышла. Потом Костя пришел с заявлением на отпуск. Внезапно так, не по графику. Спрашиваю, чего это ты в октябре-то? У тебя же, говорю, отпуск в июне. А он отвечает, так надо, Нина Ивановна. Надо, значит, надо. Начальник подписал, я и оформила ему отпуск. А Серафима, нет, никому не звонила, ни у кого не отпрашивалась. Я специально уточнила у всех, кто за это отвечает. Мне же табель вести, не кому-то!

– Вы не знаете, где он живет?

– Кто?

– Константин, который взял отпуск, не знаете его адреса?

– Адреса...

Женщина задумчиво глянула в ее расстроенное лицо. Размышляла какое-то время. Конечно, адрес у нее имелся. Как в отделе кадров да без адресов? Такого быть не может. И адрес, и номер домашнего телефона имелся. А как снабдить этими сведениями постороннего человека, как? Она вроде и девушка симпатичная, и приличная, и смотрит с тревогой, за подругу, видимо, переживает. Но с другой стороны...

– Не положено, девушка, вы уж извините, – и кадровичка тут же погрузилась в изучение бумаг, ясно давая понять, что разговор закончен.

– Ну вы хоть фамилию его мне скажите, – взмолилась Кристина, налегая на дощатую перегородку грудью.

– Фамилию? – думала та недолго, очевидно, сообразив, что фамилию девушке может сказать кто угодно. – Фамилия его Маркин, восьмидесятого года рождения.

– Спасибо! – тепло поблагодарила ее Кристина.

Возраст Симкиного сослуживца, который ей выдала женщина из отдела кадров, существенно облегчит его поиски. Как она его найдет и через кого, Кристина пока не знала. Снова помог Сережа Шипов.

Просто находка, а не парень, скажите пожалуйста! Может, зря она его всерьез не воспринимает, а? Может, он и годится на роль папы ее детям? Он хотя и не делал ей предложения, они даже и не переспали с ним ни разу, но круги, которые он нарезает второй год вокруг Кристины, становятся все плотнее и меньше диаметром.

– Сашок, будь другом, пробей мне человечка одного, а! – тут же, не отъезжая от офиса Серафимы, принялся названивать кому-то Сережа. – Зовут Константин, фамилия Маркин, тысяча девятьсот восьмидесятого рода рождения. Да, да, двадцать девять лет ему. Какой ты сообразительный!.. Ладно, шучу, не обижайся. Все, жду звонка... Да, адрес, адрес мне его нужен. Можно и телефон, не откажусь. Все, жду! Как думаешь, узнает? – Кристина благодарно покосилась на Шипова.

Хорошо, что он оказался рядом и вовремя. Ей что-то совсем худо сделалось от неизвестности, сгустившейся до черноты. Кристина выпростала руку из кармана пальто, ее все время знобило и хотелось кутаться, тронула пальцами Сережино запястье.

– Спасибо тебе, Сережа, – пробормотала она. – И извини меня.

– За что? – он быстро перестраивался в потоке машин, внимательно наблюдая за движением, но успел все же поймать ее пальцы и приложиться к ним губами. – Тебе не за что передо мной извиняться, Крис.

– Ну... Я бываю иногда резка с тобой, – принялась она вспоминать все свои грехи. – Несговорчива.

– Недоступна! – укорил он ее снова мягко и необидно. – Твою резкость я тебе извиняю, Крис. Ты все-таки пока мой начальник. И несговорчивость этим же, думаю, обусловлена. Но вот твоя недоступность... Это меня, конечно, немного...

– Я же извинилась! – напомнила Кристина и покраснела.

Она поняла, на что намекает Шипов. На тот единственный раз, когда они чуть не оказались в постели после корпоративной новогодней вечеринки. Им было весело тогда, очень весело. Они дурачились сначала в ресторане, потом в такси, что развозило их по домам. Потом продолжили дурачиться в лифте, Сережа вызвался доставить ее до двери квартиры. Она ерошила ему волосы, надвигала кепку на нос, застегивала куртку до подбородка и звонко целовала его в подбородок, сделавшийся колючим. Он не оставался в долгу. Хватал ее за руки, целовал ладони, прикладывал кончики ее прядей у нее под носом и называл усатым Крисом, и хохотал заразительно и бесшабашно. Лифт остановился, они вывалились из кабины и наперегонки рванули к ее двери. Устроили возню с поиском ключей в ее сумочке, вывалили все ее содержимое на пол перед дверью. Потом с хохотом собирали все, долго не могли попасть ключом в замочную скважину, потому что толкались и отнимали ключ друг у друга. Вдруг внизу открылась чья-то дверь, и сердитый гнусавый голос потребовал от них порядка, угрожая вызвать милицию. Они примолкли, прысая в кулак. С горем пополам открыли дверь, вбежали в квартиру. С грохотом захлопнули дверь и...

И все! Дальше ничего не получилось. Веселье вдруг закончилось, будто захлопнувшаяся дверь отсекала его, призывая к серьезности. Стало очень тихо. Кристина хотела включить свет, но Сережа поймал ее руку и не позволил. И зашептал горячо и судорожно что-то про чувства, которые он устал скрывать, о красоте ее неземной, что-то еще трудно различимое. И принялся торопливо рыться в ее одежде, пытаясь отыскать ходы к ее телу. И на пол начал ее заваливать.

– Не надо! – Кристина ударила его по рукам, добравшимся до ее голой спины. – Сережа! Не надо, остановись!

Ей вдруг сделалось очень неприятно. Только что хохотали до слез, дурачились, ничто не предвещало бурной страсти, трепетного шепота, а на него что-то нашло. Так положено, что ли, или как? И показалось ей вдруг все это фальшивым и наигранным. Даже видеть его расхотелось.

– Уходи! – потребовала она, запахивая на себе полушубок.

– Но почему? – Теперь уже он потянулся к выключателю, и теперь уже Кристина поймала его руку, не позволив включить свет.

– Уходи, потому что я хочу спать!

– Вот вместе и выспались бы, Крис, чего ты? – И он сделал еще одну попытку раздеть ее.

Не вышло у него ничего. Кристина вытолкала его за дверь и на звонки потом все рождественские каникулы не отвечала. Не потому, что противна ей вдруг сделалась его смелость. А потому, что, поразмыслив, поняла, что вела себя как дура последняя.

Сережа был очень симпатичным, умным и производил впечатление порядочного парня. На него многие дамы на фирме заглядывались, некоторые даже проявляли настойчивость. Симка тоже одобряла отношения с ним. И Кристина вполне благосклонно принимала его знаки внимания, даже провоцировала их, порой без нужды вызывая к себе в кабинет. На новогодней вечеринке они друг от друга не отходили, и то, что вечер этот будет иметь продолжение, подразумевалось по умолчанию. А она возьми и выгони его.

– Молодец он будет, если пошлет тебя куда подальше, – с удовольствием посыпала любимая подруга ее немногочисленные раны солью.

– Пускай, – тупо твердила Кристина, провалившись все каникулы на диване с пультом от телевизора. – Значит, не судьба.

– Судьбу мы делаем сами, дурочка, – урезонивала Симка, пристроившаяся в другом углу дивана с коробкой конфет и кружкой чая. – Хотя...

– Что?

– Если чувства к тебе у него настоящие, этот щелчок по носу и другим частям тела он поймет правильно. И не станет искать утешения у безвольных дурочек, а подождет, когда осаждаемая им крепость падет наконец.

– Скажешь тоже! – фыркнула Кристина и погладила подругу по коленке с благодарностью. – Станет он ждать!

– Если любит, подождет. А если нет, то...

– То что?

– То правильно ты и сделала, что выгнала его, Тиночка...

Кристина вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает комок, делая дыхание непереносимым. Она отвернулась от Сережи, уставившись в окно невидящими глазами, и часто задыхалась, боясь расплакаться.

Вот как она будет жить теперь, если с Симкой что-то случилось??? Она же родным человеком ей стала за долгие годы дружбы. Они могли ссориться, потом мириться, могли дуться друг на друга и не разговаривать подолгу, но никогда, ни единого раза за все время не предали друг друга. Они ценили это, считая самым главным достоянием их отношений.

– А в том, что я тебя обидела, ничего страшного нет, – оправдывалась как-то Симка, когда они ревели, обнявшись на ее кухне, заключив перемирие. – Природа человеческих отношений такова, миленькая моя! Они ссорятся, потом прощают друг друга. Главное-то знаешь что?

– Что? – всхлипывала Кристина, любившая подругу всем сердцем.

– Не предавать, Тиночка. Вот что главное...

Она ни за что не предаст свою Симку, ни за что! Она ее обязательно разыщет. Что бы ей это ни стоило, она ее...

– Эй, Крис, ты чего это там сопишь, а? – Сережа съехал на обочину и притормозил, трогая Кристину за плечо. – Плачешь, что ли?

– Ничего я не плачу, – огрызнулась Кристина, дергая плечом и настырно не поворачиваясь. – Просто переживаю за нее очень.

– Ох, господи! – вздохнул он с жалостью и мягко, но весьма настойчиво развернул все же ее к себе. – Ну чего ты паникуешь, а? Подруга влюбилась в очередной раз, загуляла, а ты ее уже хоронишь.

– Не смей так говорить, слышишь!!! – закричала Кристина и стукнула его по плечу, обняв тонкой кожаной курткой, подбитой бобром. – Ты не знаешь, что такое настоящие чувства! Настоящая дружба!

– Настоящая любовь... Продолжай, Крис, продолжай. Ты же это хотела сказать, – проговорил он с укором и вздохнул, отворачивая лицо. – Ты не права. Знаешь, что не права, а все равно старательно делаешь мне всякий раз больно. Тебе это доставляет удовольствие, да?

– Я?! – Кристина непонимающе вытаращила глаза, откидываясь спиной на дверцу. – Я делаю тебе больно?! И, скажи на милость, что такого я тебе сделала?! Как именно больно я тебе делаю?!

– Ты не замечаешь, – начал говорить Сережа, снова усаживаясь прямо и заводя машину. – Старательно не замечаешь моих чувств к тебе. Сколько я ни бьюсь, сколько ни пытаюсь завладеть твоим вниманием, ты...

– Чувств?! Каких чувств, Сережа?! – разозлилась вдруг она. – Что я не замечаю?! Что должна замечать? Все никак не можешь простить мне моего отказа? Надо было отдаться тебе на полу в прихожей, так, что ли? Так надо было заметить? Не надо путать настоящую любовь со страстью охмелевших от веселья и вина людей. Не надо!

– Это не так, – перебил он ее с горечью. – Тот вечер был замечательным. Ты была замечательной.

– Пока не выставила тебя вон?

– Пускай и выставила. После того вечера прошло много времени, Крис, у тебя было его предостаточно, чтобы разобраться в чувствах.

– Чьих?

– Твоих, моих. – Он подергал недоуменно плечами. – Неужели ты не понимаешь, что я люблю тебя? Не замечаешь этого или не хочешь замечать?

– Нет, – буркнула она сердито.

И тут же подумала, что ей сейчас совсем не до его чувств, завуалированных слишком тщательно, оттого и трудно различимых. У нее подруга пропала. А он тут про любовь свою. Какая любовь, ну какая любовь теперь?! Нашел тоже время для объяснений!

– Что нет? – Он покосился на нее с понимающим хмыканьем. – Не замечаешь или не хочешь? Уточни!

– Я не замечаю.

Это она совершенно точно и честно сказала. Те знаки внимания, которые он ей оказывал, принимались ею как симпатия, не более того. Ну погуляли, ну в кино сходили, поужинали, пообедали, даже целовались как-то. И все! Ничего же больше такого не было между ними. Не считая того предновогоднего вечера, Сережа ее голого тела не коснулся ни разу. И ни разу больше не намекнул, что хочет ее или что-то в этом роде. И темы такой вообще никогда прежде не поднималось. О работе, о погоде, о фильмах, писателях, общих знакомых, о чем они только не разговаривали. Но вот о чувствах никогда. И тут вдруг...

– Странно. – Он глянул на Кристину с недоверием, сбрасывая скорость и снова прижимаясь к обочине. – Все замечают, а ты нет.

– Все – это кто?

Кристине наскучил разговор, хотелось говорить о Серафиме, о Косте, который внезапно ушел в отпуск. А ведь именно он порекомендовал ту самую беговую дорожку ее подруге, с которой все и началось. Почему?

Вот о чем сейчас следовало бы говорить, а не о том, кто и что за кем замечает.

Но грубить ему не хотелось. В конце концов, может, что-то такое и проскальзывало. А она в силу своей занятости и застенчивости душевной, в которой Симка не зря ее упрекала, могла и не заметить.

– Все – это кто, Сереж? – Кристина снова тронула его за запястье. – Лида-переводчица? Или Валентина Николаевна, зам главного?

Всем было известно, и Кристине в том числе, что эти две дамы не давали прохода Шипову. И злобно шипели ей в спину, не добившись от него взаимности.

– Все знают, что я люблю тебя, – настырно повторил он. – А ты не замечаешь этого.

– Ну... Ну, ты хоть сказал бы как-нибудь, – пробормотала она обыденным тоном и тут же устыдилась, поняв, что обидела его снова.

– Разве об этом непременно надо говорить? Нет... Это чувствуют.

– Сережа, ну как я почувствую, если мы с тобой почти не видимся, работа не в счет! – начала она оправдываться, уже ненавидя себя за это, навязал тоже тему.

– Вот! Вот, Крис, а я о чем?! Тебе же постоянно некогда! У тебя никогда нет времени на меня! А я... Я так люблю тебя, думаю о тебе постоянно, обнять хочу, прижать к себе.

– И в чем дело?

Ей, между прочим, тоже иногда этого хотелось. Чтобы он обнял, чтобы прижал к себе. А он после того вечера больше ни разу так не сделал. Не самой же ей на этом настаивать, в самом деле!

– Боюсь, что снова укажешь мне на дверь, – упрекнул ее Сережа. – Если... Понимаешь, я тут подумал... Если ты не можешь спать со мной до замужества, то... Я тут подумал, может, нам пожениться, а?

– Иди к черту, Шипов!!! – прошипела Кристина и больше до офиса не вымолвила ни слова.

Идиот! Разве так делают предложение женщине?! Это не просто глупо, а даже унижительно! Как, как он сказал? Если не можешь трахаться со мной без печати, то ради бога, я поставлю ее в твоём паспорте! Пускай не так, но смысл тот же. Он сам-то хоть понял, что сказал? Кажется, да, потому что до самого вечера больше глаз не казал. И нужные бумаги от него Кристина получала через посыльных. И ему указания передавала через них же.

Обиделся или виноватым себя чувствует? Думай теперь, Кристиночка, а то тебе больше подумать не о чем! У тебя подруга пропала, хоть в розыск объявляй ее, а тут Шипов с предложением руки и сердца. И все ради чего?! Ради того, получается, чтобы она его в свою койку пустила!

Нет, с этим надо что-то срочно делать. Ситуация какая-то вокруг нее нездоровая складывается. Позавчера один пришел с предложением переспать только потому, что теща считает его недостойным ее дочери. А Кристину, напротив, считает достойной своего зятя, он и пришел попробовать, а вдруг получится.

Сегодня второй – с другим предложением, но тоже будь здоров!

С ней что-то не то, это ясно. Не просто же так мужики ей подобные вещи говорят и считают себя правыми на все сто. Может, все потому, что она уже очень взрослая девочка и с ней особо не церемонятся?

Ах, как Симкиных советов не хватает, угораздило ее пропасть именно сейчас!..

– Мне надо с тобой поговорить, – позвонил Шипов в самом конце рабочего дня по внутреннему телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.